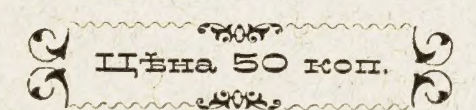

И. Я. Акинфіевъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ЮГУ РОССІИ и СѢВЕРНОМУ КАВКАЗУ.

Цѣна 50 коп.

Стоимость книги полностью поступаетъ въ кассу Екатеринославской Коммиссіи народныхъ чтеній для усиленія фонда на постройку аудиторіи.

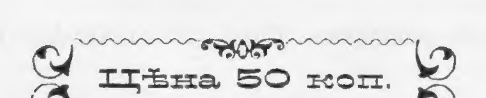

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1893.

И. Я. Акинфіевъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ЮГУ РОССІИ и СѢВЕРНОМУ КАВКАЗУ.

Стоимость книги полностью поступаетъ въ кассу Екатеринославской Коммиссіи народныхъ чтеній для усиленія фонда на постройку аудиторіи.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1893.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го Апрѣля 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЮГУ РОССІИ.

ГЛАВА I.

Отъ Екатеринослава до Ростова.

Отъѣздъ.—Екатерининская желѣзная дорога.—Каменноугольное пространство.—Древесныя насажденія г. Срединскаго.—Азовское море.—Устье Дона.

Ничто такъ не укрѣпляетъ человѣка физически, какъ поѣздка въ лѣтнее время въ болѣе или менѣе отдаленныя страны и на продолжительный срокъ. Ничто не способно такъ укрѣпить расшатанные зимней сидячею жизнію нервы, встряхнуть и освѣжить всего человѣка, доставить его уму разнообразное и въ большинствѣ случаевъ интересное содержаніе, какъ путешествія въ малоизвѣстныя для него мѣста, съ цѣлью изслѣдованія ихъ, или даже простаго наблюденія въ какомъ либо отношеніи. Въ западной Европѣ давно сознали значеніе поѣздокъ, давно оцѣнили ихъ по достоинству, и потому тамъ онѣ распространены въ самой широкой степени, въ особенности у англичанъ и французовъ. Не то у насъ. Всѣмъ извѣстно, какъ тяжелъ на подъемъ русскій человѣкъ, какъ сильно любитъ онъ свое болото, называя его нѣжнымъ именемъ „родное гнѣздышко", и какъ мало интересуется даже тѣмъ, что подчасъ съ гордостью называетъ своимъ отечествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе ли изъ русскихъ интеллигентныхъ людей видѣли хотя бы главные административно-промышленные пункты Россіи? Сколько провинціаловъ не видѣли русскихъ столицъ, если не пришлось по обязанности службы или необходимости побывать въ нихъ! А сколько есть столичныхъ жителей, изъ той же интеллигенціи, совершенно незнающихъ не только русскихъ окраинъ, но и любаго губернскаго города въ центрѣ Россіи! Отчего это происходитъ,—трудно рѣшить. Немаловажную роль при этомъ играетъ простое неумѣнье наше путешествовать. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ неудобствомъ и какъ дорого русскій человѣкъ обыкновенно путешествуетъ. Всякій непремѣнно наберетъ съ собою цѣлый ворохъ узелковъ, коробокъ и разнаго рода одежды, чѣмъ въ вагонѣ

займетъ массу мѣста, стѣснивъ себя и другихъ. Затѣмъ на станціяхъ, благодаря продолжительнымъ остановкамъ поѣзда—на что жалуются положительно всѣ туристы—а также благодаря частымъ буфетамъ, всякій не преминетъ отъ скуки «приложиться» къ чему нибудь изъ съѣстнаго, чѣмъ вдвое всегда удорожаетъ свой проѣздъ. Вообще же отсутствіе наклонности къ разнообразію, индиферентность и недостатокъ любознательности къ тому, что находится за предѣлами видимаго повседневно горизонта, а также неумѣнье путешествовать дешево и удобно —служатъ причиною, что русскіе ѣздятъ мало и неохотно, ѣздятъ только по дѣлу, а не изъ желанія встряхнуться тѣломъ, поразнообразить себя впечатлѣніями, пріобрѣсти знанія и набраться опытности.

У насъ въ Россіи очень много мѣстъ, побывать въ которыхъ не только интересно, но и поучительно. Добраться до нихъ и слѣдовать по нимъ не такъ трудно и стоитъ не такъ дорого, какъ можетъ показаться непривыкшему къ поѣздкамъ человѣку. Впечатлѣніями объ одномъ изъ такихъ, безъ сомнѣнія, лучшихъ уголковъ въ Россіи авторъ и намѣренъ подѣлиться съ читателями. Планъ поѣздки, которая предпринята была въ количествѣ двухъ персонъ лѣтомъ 1889 г., состоялъ въ слѣдующемъ: 1) для начала предполагалось ограничиться путешествіемъ только на сѣверный Кавказъ, т. е., въ предѣлахъ Ставрополя и „минеральныхъ водъ", откуда прослѣдовать до Эльборуса включительно, и 2) во время пути рѣшено обращать вниманіе вообще на естественныя особенности страны и въ частности вести сборъ растеній и насѣкомыхъ. Расходъ на двухмѣсячное путешествіе не долженъ превышать 400 руб. на двухъ.

Начало путешествія совпало съ тѣмъ временемъ, когда въ одномъ изъ южно-русскихъ городовъ въ первую половину іюня наступила почти тропическая жара съ 25% температурой ночью и когда восточный вѣтеръ, поднявъ всю пыль въ улицѣ на высоту 200—300 футовъ, сталъ производить настоящіе муссоны. Очутившись въ вагонѣ поѣзда, медленно слѣдовавшемъ по самому красивому мосту черезъ Днѣпръ, мы испытывали то пріятное состояніе духа, которое знакомо всякому, кто убѣдился, что давно задуманное дѣло наконецъ *началось*. Когда же поѣздъ благополучно перескочилъ черезъ р. Самару по старому деревянному мосту, срокъ службы котораго давно уже истекъ и который, по словамъ даже самихъ инженеровъ, стоитъ въ числѣ первыхъ кандидатовъ крушенія, то на-

ше пріятное состояніе перешло въ радостное, что дѣло началось *хорошо*.

Съ третьей станціи, Синельниково, значительная часть пассажировъ оставила нашъ поѣздъ и мы почти въ пустыхъ вагонахъ получили возможность удобно расположиться и покойно провести ночь послѣ шести безсонныхъ ночей, какія выпали на нашу долю въ душномъ городѣ передъ выѣздомъ. Кто впервые ѣдетъ по восточному участку Екатерининской желѣзной дороги, тотъ не можетъ не поражаться необычайнымъ для нашихъ желѣзныхъ дорогъ явленіемъ—отсутствіемъ пассажировъ и потому сразу выноситъ убѣжденіе, что она одна изъ самыхъ полезныхъ „нестратегическихъ“ дорогъ Россіи. Потому что, кромѣ того, что ея поѣзда ежегодно перевозятъ до пяти милліоновъ пудовъ Криво-рожской руды для чугунно-плавильнаго завода Юза и до 25$^{1}/_{2}$ милліоновъ пудовъ каменнаго угля изъ Донецкаго кряжа въ Екатеринославскіе и Криворожскіе заводы,—вы чувствуете, сидя въ пустыхъ вагонахъ, что это очень пріятно, потому что пустые вагоны поѣзда доставляютъ пассажирамъ болѣе удобствъ жизни, чѣмъ нѣкоторые губернскіе города. Вы можете размѣститься какъ вамъ угодно, никого не стѣсняя; ночная прохлада, медленность хода поѣзда—все это убаюкиваетъ васъ и доставляетъ полное удовольствіе. Обращаясь къ исторіи этой дороги, необходимо сказать, что, не смотря на свою молодость, она пережила значительно худшія времена, чѣмъ переживаетъ теперь. Это было тогда, когда ее еще не открыли, а только строили. Въ данной мѣстности былъ въ то время полный неурожай (1882 и 1883 гг.) и безработица. Точнѣе: 1882 годъ былъ золотымъ годомъ царствованія на всемъ югѣ Россіи, вообще, и Екатеринославской губерніи, въ частности, знаменитой *кузьки*. Послѣ этого кузька поляется здѣсь все меньше и меньше. А 1883 годъ считается сильно неурожайнымъ для названной губерніи. Чтобы помочь населенію, доставить ему возможность заработка, мѣстное земство, а за нимъ и правительство, рѣшили приступить къ постройкѣ желѣзной дороги. Съ теоретической стороны это было прекрасно, но на практикѣ оказалось, что здѣшній „хохолъ“ ни на что болѣе не способенъ, какъ только на поденныя работы. Кромѣ того, и такія работы онъ бралъ исполнять только въ зимнее время. Съ наступленіемъ же весны ни за какія деньги нельзя было привлечь его изъ деревни къ желѣзной дорогѣ: онъ шелъ въ поле пахать и сѣять. Въ этомъ отношеніи «хохолъ», какъ и всякій другой русскій крестьянинъ, остался вѣренъ себѣ, какъ зем-

ледѣльцу. Г. Шрейдеръ въ своей статьѣ „Очерки кустарной горной промышленности“ (Русская Мысль, Декаб. 1889 г.) приводитъ много весьма любопытныхъ фактовъ относительно того, съ какою неохотою мѣстный житель рѣшается промѣнять плугъ на что либо другое: горные промыслы, фабричную и заводскую дѣятельность. „Мѣстное изслѣдованіе, говоритъ онъ, констатируетъ, что нѣкоторые изъ крестьянъ Гришинской волости рѣшаются идти проситься въ ремонтные рабочіе на желѣзной дорогѣ только послѣ трехдневной голодовки ихъ семей“. Многіе, вмѣсто того, чтобы идти на заводы, гдѣ даютъ хорошую плату, охотнѣе переселяются «на линію», „за Кубань“ и вообще «туда, куда такъ тянетъ хлѣборода легендарный земельный просторъ». Далѣе, когда Екатерининскую дорогу открыли, не достроивъ ее до ст. Харцызской, какъ теперь (въ 1889 году г.), а только до Ясиноватой, оказалось, что по ней некому было ѣздить. Жители деревни, какъ извѣстно, никуда не ѣздятъ, да и не любятъ ѣздить по чугункамъ; а жители городовъ, имѣя надобность поѣхать, напр., въ Ростовъ или на Кавказъ, не могли пользоваться услугами этой линіи: имъ приходилось со ст. Синельниково слѣдовать къ сѣверу на Лозовую, а оттуда снова спускаться къ югу, къ Азовскому морю. Вотъ почему почти всѣ пассажирскіе поѣзда восточнаго участка Екатерининской вѣтви были всегда совершенно пусты и только наводили страхъ на одинокихъ путниковъ, случайно попавшихъ въ нихъ. Вотъ фактъ. Въ августѣ 1885 г. одна народная учительница вздумала ѣхать въ Екатеринославъ изъ Маріуполя; на ст. Ясиноватой она взяла билетъ до Екатеринослава и вошла въ крайній вагонъ готоваго къ отходу поѣзда. Въ вагонѣ пусто. „Иду дальше, разсказывала она потомъ,—тоже ни души. Прохожу третій вагонъ, четвертый... до 8-го все тоже. Я сначала разсмѣялась, а потомъ задумалась: куда же мнѣ дѣться?.. Смотрю въ окно, не появится ли еще кто. Но вотъ звонокъ, другой и третій—никого! На ходу поѣзда вскочили три кондуктора... Мнѣ стало жутко! Опустилась на скамью и чувствую себя въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи. Спустя долгое время, дверь вагона отворилась, вошелъ кондукторъ и слабо улыбнулся, вѣроятно, отъ радости, что, наконецъ, открылъ меня въ поѣздѣ. Но мнѣ было не до смѣха.

— Скажите, пожалуйста, говорю я ему испуганно: я одна на весь поѣздъ?—Да, изъ пассажировъ вы одна; но вы, барышня, не безпокойтесь!—ободряетъ онъ меня мягко и спокойно. На слѣдующей станціи будетъ, вѣроятно, еще

кто нибудь. Позвольте вашъ билетъ. Щелкнулъ и ушелъ. Я снова осталась одна. На слѣдующей станціи жду пассажировъ—нѣтъ никого! Между тѣмъ день клонился къ вечеру; поѣздъ опять двинулся. Недаромъ, думалось мнѣ, кондукторъ сказалъ: „вѣроятно"—значитъ, можетъ случиться, что въ теченіе всей ночи мнѣ придется быть одной на 8 вагоновъ. Эта мысль сильно обезпокоила меня. Отдавшись ей, я въ концѣ концовъ рѣшила непремѣнно выйдти изъ поѣзда на ближайшей станціи и уже стала выносить свои вещи, когда поѣздъ подошелъ къ ней, какъ встрѣчаю на платформѣ даму съ маленькимъ гимназистомъ. Увидя меня высаживающейся, дама удивленно произнесла: „Такъ вы выходите? Какая досада! А я замѣтила васъ въ окно и обрадовалась, думая, что моему мальчику удастся, наконецъ, сегодня отправиться. Мы вотъ уже второй день выѣзжаемъ къ вокзалу и все поѣзда пустые!" Я возвратилась въ вагонъ,—теперь насъ было двое! А потомъ на какой-то станціи къ намъ еще присоединился кто-то. Никогда не забуду я этого путешествія въ пустомъ поѣздѣ!"

Изъ отчета этой дороги за 1888 годъ видно, что отъ Екатеринослава до Ясиноватой въ каждомъ поѣздѣ изъ 11 вагоновъ въ среднемъ слѣдовало около 24 человѣкъ; слѣдовательно, спустя уже три года послѣ разсказаннаго случая, количество пассажировъ было ничтожно и поѣзда слѣдовали съ пустыми вагонами.

Почти вся мѣстность, по которой проложена Екатерининская дорога, чисто степнаго характера съ слабо холмистымъ очертаніемъ. Почва, что легко видно на желѣзнодорожныхъ выемкахъ, прикрыта на 2—3 верша черноземомъ, подъ которымъ рѣзко выдѣляется красновато-глинистый слой подпочвы. Кромѣ того, поверхность сѣнокосовъ и цѣлинныхъ мѣстъ усѣяна незначительными, почти лишенными травы, возвышеніями въ 2—3 четверти аршина и до 2 аршинъ въ діаметрѣ. Сначала васъ поражаютъ эти густо стоящіе курганчики, вы не догадываетесь о причинѣ ихъ происхожденія, но, всмотрѣвшись, замѣчаете, что на вершинѣ значительнаго большинства ихъ стоитъ небольшой столбикъ въ четверть аршина,—это ихъ хозяева—овражки. Но несомнѣнно, что раньше въ этихъ буграхъ жилъ другой болѣе рослый степнякъ, изгнанный теперь отсюда плугомъ и бороной—это былъ байбакъ. Тотъ-же плугъ значительно сравнялъ уже и уменьшилъ теперешній бугоръ, съ котораго овражекъ обозрѣваетъ пространство поля, стоя на заднихъ лапкахъ и насвистывая свою пѣсню.

Въ неглубокихъ балкахъ кое-гдѣ виднѣются поросли лѣса, въ другихъ мѣстахъ расположены деревни и еще рѣже стоятъ какія-то своеобразныя зданія вродѣ желѣзнодорожной водокачки. Около послѣднихъ всегда ютятся нѣсколько мелкихъ жилыхъ построекъ на нѣмецкій образецъ. Въ большинствѣ случаевъ къ такимъ зданіямъ проведена желѣзнодорожная вѣтвь. Не трудно было догадаться, что это каменноугольныя шахты, но при этомъ невольно удивляешься, почему же ихъ такъ мало? Вѣдь здѣсь всякая пядь земли изобилуетъ минеральными богатствами въ видѣ угля, соли, руды и т. под., а между тѣмъ шахты встрѣчаются на разстояніи 10 - 15 верстъ другъ отъ друга. Все остальное пространство занято или посѣвами или сѣнокосомъ. Когда переѣдешь на Курско-Азовскую линію, то видишь почти тоже самое. Только здѣсь мѣстность становится болѣе неровной, какъ бы слабо гористой и потому болѣе живописной. Большинство пологихъ покатостей къ глубокимъ балкамъ и рѣчнымъ долинамъ обращено къ югу, потому теперь вы находитесь на южномъ склонѣ Донецкаго кряжа. Растительность здѣсь замѣтно роскошнѣе и разнообразнѣе. Села встрѣчаются чаще. Шахты тоже болѣе часты и многолюдны. Каменный уголь по желѣзнодорожной линіи—на каждомъ шагу, въ особенности большія горы его сложены близъ станцій и шахтъ. А чѣмъ ближе подвигается поѣздъ къ югу, тѣмъ снова мѣстность становится пустыннѣе и бѣднѣе во всѣхъ отношеніяхъ. На нѣкоторыхъ крутыхъ склонахъ почва голая, какъ и на толокахъ близъ всѣхъ селъ. Только одни древесныя насажденія г. Срединскаго одинаково хороши отъ Харькова до Таганрога. Только они своей правильной посадкой, роскошнымъ ростомъ и густою зеленою листвою доставляютъ удовольствіе путнику среди бѣдной степной растительности. Видѣть ихъ тѣмъ болѣе пріятно, что они служатъ лучшимъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ сравнительно не трудно наша мѣстность можетъ быть покрыта искусственными лѣсами. Нѣтъ нужды, что у насъ въ настоящее время готовые лѣса уничтожаются. Будетъ время, когда человѣкъ разведетъ ихъ снова и разведетъ даже тамъ, гдѣ они сами никогда не росли. Важно знать, при какихъ условіяхъ можетъ расти дерево въ данной мѣстности. Насажденія г. Срединскаго говорятъ именно объ этомъ. Какъ извѣстно, его саженцы не получили ни одной капли воды въ видѣ искусственной поливки въ теченіи 10 лѣтъ. Единственною помощью саженцамъ въ борьбѣ съ мѣстными дикими и сорными растеніями было ежегодное разрыхленіе почвы между рядами деревцевъ. Этой мѣрой сразу до-

стигались двѣ цѣли: уничтоженіе ненужныхъ растеній и предохраненіе почвы отъ засухи. Саженцы въ этихъ насажденіяхъ отстоятъ на 6—8 вершковъ одинъ отъ другаго и тянутся вдоль полотна дороги въ 7 рядовъ, отстоящихъ другъ отъ друга на 2 аршина. Обыкновенно, въ ближайшемъ къ полотну дороги ряду находится какой нибудь низкій до 1 арш. подстриженный кустарникъ, второй рядъ состоитъ изъ болѣе высокихъ полукустарныхъ видовъ, въ третьемъ, еще болѣе высокомъ, стоятъ деревья, достигающія 4—5 аршинъ высоты, а въ среднемъ ряду —самыя высокія деревья, большею частью бѣлая акація, выросшая мѣстами за 10 лѣтъ до 4 саженъ. Въ общемъ въ насажденія входятъ всѣ наши южныя лѣсныя породы и нѣкоторыя разводимыя, какъ: лохъ (Eleagnus), гледичія (Gleditschia) и др. До сихъ поръ засажено до 1500 верстъ семирядной полосы, на которой, какъ говоритъ г. Срединскій въ одномъ своемъ сообщеніи, находится свыше 50 милліоновъ деревцевъ. Кромѣ того, до 30 милліоновъ саженцевъ находится въ питомникахъ дорогъ. Нужно помнить, что всѣ эти насажденія проходятъ вмѣстѣ съ желѣзною дорогой по самымъ высокимъ и открытымъ пунктамъ степнаго пространства, при различныхъ почвенныхъ условіяхъ, слѣдовательно, подвержены въ сильнѣйшей степени суровымъ климатическимъ вліяніямъ въ степи. И если, не смотря на все это, главнымъ условіемъ хорошаго роста породъ является только своевременное разрыхленіе почвы сапками (мотыгами) два раза въ годъ, то несомнѣнно, что, когда культурность мѣстнаго населенія достигнетъ болѣе высокой степени, чѣмъ теперь, т. е. когда окончится періодъ однообразнаго производства только хлѣбныхъ растеній и главнымъ образомъ пшеницы, а наступитъ періодъ всесторонняго пользованія всѣми произведеніями природы,—въ то время—а оно, надо полагать, не за горами—здѣсь появятся лѣса, будутъ и хорошіе сады и болѣе частыя шахты, чѣмъ теперь, начнется разработка другихъ минеральныхъ богатствъ, о которыхъ теперь мало извѣстно. Близъ станціи Амвросіевки, напр., находится имѣніе очень симпатичнаго, почтеннаго старичка, ѣхавшаго съ нами на обратномъ пути домой. У него по балкѣ растетъ хорошій лѣсъ, въ которомъ онъ разводитъ пчелъ по усовершенствованнымъ системамъ; тутъ же минеральные родники воды, есть и отличный камень-известнякъ и лучшаго качества песокъ, годный для выдѣлки стекла.

— Почему вы ничего не разрабатываете и завода не устраиваете? - спросили мы его.

— Думалъ было, отвѣтилъ онъ, и посылалъ даже для анализовъ воду и песокъ: говорятъ, что слѣдуетъ разрабатывать, да куда мнѣ? Старъ уже сталъ. Начнешь дѣло, а тутъ и умирать придется; теперь я пчелками занимаюсь, тоже очень доходная и пріятная статья, нужно только знаніе.

Святая истина! На все нужно знаніе, да умѣніе, но ихъ-то и нѣтъ у насъ!

Въ 4 часа нашъ локомотивъ уперся въ платформу, стоящую перпендикулярно къ полотну дороги, и остановился. Это былъ Таганрогскій вокзалъ. Чѣмъ замѣчателенъ Таганрогъ—трудно сказать. Не пришлось ничего интереснаго узнать о немъ и въ тѣ 25 минутъ, которыя были въ нашемъ распоряженіи. Мы едва успѣли наскоро отобѣдать въ плохомъ буфетѣ вокзала, какъ локомотивъ сталъ медленно отодвигать заднимъ ходомъ поѣздъ отъ платформы и направился къ Ростову. Минутъ черезъ 10, когда поѣздъ прошелъ мимо длинныхъ магазиновъ для ссыпки хлѣба, а также мимо большаго бѣлаго зданія - острога, и сталъ круче и круче дугою поворачивать къ сѣверу,—Таганрогъ оказался передъ нами какъ на ладони, производя довольно красивый видъ морскаго города съ корабельною верфью. Потомъ, чѣмъ болѣе поѣздъ удалялся отъ него, тѣмъ оригинальнѣе и красивѣе были открывавшіеся пейзажи. Тихая погода при полуденномъ яркомъ солнцѣ позволяла видѣть на далекое разстояніе не только нашъ западный берегъ моря, но и противоположный, возвышенный и сильно освѣщенный восточный берегъ, вдоль котораго расположены большія села и мѣстечки. По зеркальной поверхности моря недалеко отъ берега скользили рыбачьи лодки и баркасы, вдали виднѣвшіяся парусныя суда и корабли тихо тянули курсъ на сѣверъ, къ Ростову.

Дневная жара стала спадать, съ моря потянуло прохладой; публика высыпала на платформы вагоновъ и выставилась въ правыя окна ихъ, любуясь прекрасной картиной. Вскорѣ слѣва показалась низменная равнина, къ которой стремился нашъ поѣздъ. Но вотъ и станція. Передъ нею поѣздъ прошелъ мимо богатой казацкой станицы славныхъ сыновъ Дона, начинавшихъ здѣсь, у устья любимой рѣки, свои владѣнія. Замѣчательно, что невдалекѣ отъ устья Дона находится довольно богатое общественное мѣсто, принадлежащее всему Донскому войску и никому въ частности. Всякій казакъ имѣетъ право производить здѣсь уловъ рыбы, не оставаясь на жительство. Впрочемъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ устья рѣки постановка сѣтей и рыбалочныхъ крючковъ строго запрещается, чтобы не загра-

ждать рыбѣ прохода вверхъ по теченію. Когда нашъ поѣздъ проходилъ мимо первой казацкой станицы, день былъ праздничный. Сельскій людъ, принарядившись, высыпалъ на улицу; всюду было видно много народа и, какъ у насъ въ поѣздѣ, всюду говоръ, смѣхъ и полное проявленіе жизни въ лѣтнее время. Чрезъ 5 минутъ поѣздъ снова быстро мчался нѣкоторое время по возвышенному берегу, потомъ спустился внизъ, оставивъ берегъ вправо, и пошелъ параллельно одному изъ рукавовъ Дона по болотамъ и трясинамъ обширной мѣстности. Обыкновенно весной вода заливаетъ эту мѣстность въ большей или меньшей степени. При низовыхъ вѣтрахъ съ моря уровень воды поднимается настолько высоко, что остается незалитой одна желѣзнодорожная насыпь, которая тогда кажется узкой лентой, протянутой на десятки верстъ по морю. Къ лѣту вода спадаетъ, образуя массу болотъ и заливовъ рѣки и давая полный просторъ гніенію, развитію вредныхъ испареній, міазмовъ, мошки и комаровъ. Не смотря на такія убійственныя, повидимому, условія для существованія, мѣстность эта считалась искони любимой у казаковъ. На утлой ладьѣ легко было въ старину уйти по мелководнымъ мѣстамъ отъ всякаго преслѣдованія весною, а лѣтомъ быстро растущіе камыши и осоки могли укрыть отъ самаго бдительнаго глаза цѣлыя семьи, уходившія на вольныя мѣста. Въ настоящее время здѣсь очень густое населеніе, хотя безпорядочное. На каждомъ шагу попадаются или отдѣльные хутора, или отселки, или болѣе или менѣе многолюдныя станицы. Во многихъ мѣстахъ жилье тянется непрерывно по берегу. Близъ каждаго жилья видны рыболовныя снасти, лодки, жерди для сушенія и копченія рыбы и др. приспособленія. Но такъ какъ рыболовный сезонъ былъ оконченъ въ нашъ проѣздъ, то населеніе занималось огородничествомъ: капуста, лукъ, картофель и др. овощи виднѣлись всюду и мѣстами занимали большія пространства. Луговое сѣно еще не было снято, камышъ, осоки и другія водяныя растенія были еще въ первомъ періодѣ развитія, представляли яркую молодую зелень и потому производили пріятный контрастъ съ тѣмъ, что было на возвышенномъ каменистомъ берегу.

По мѣрѣ приближенія къ Ростову, поѣздъ снова подходитъ къ берегу, поросшему, по известковымъ склонамъ и неровностямъ садами, виноградниками и дикою растительностію совсѣмъ иного характера, чѣмъ та, которая была на низменныхъ заливныхъ лугахъ. Трудно было удержаться не выйдти изъ вагона и не взять росшаго тутъ-же въ

двухъ—трехъ шагахъ сладкаго корня Glicyrrhiza echinata L и Gl. glandulifera W. K), полевую резеду (Reseda luteola L.) и др.

Стало вечерѣть. Одинъ изъ сосѣдей по вагону, въ грязномъ костюмѣ, какъ у рыбнаго торговца изъ Ростова, разсказывалъ другому прилично одѣтому господину о новыхъ порядкахъ въ Ростовѣ подъ управленіемъ донскихъ козаковъ, именно, объ удаленіи евреевъ изъ города на пароходахъ въ 1889 г.

— Куда же увезли ихъ и почему на пароходахъ, а не сухимъ путемъ?—любопытствовалъ приличный господинъ.

— Не знаю, отвѣчалъ собесѣдникъ: надо думать заграницу, а не то въ Одессу. Не тронули только тѣхъ, кто былъ раньше приписанъ къ Ростову. А тутъ было много непреписанныхъ. Имъ раньше дали срокъ, чтобы сами убирались, а когда въ маѣ срокъ кончился, ихъ всѣхъ въ одинъ день забрали, усадили на два парохода и отправили. Сколько гвалту и слезъ было! На весь Ростовъ!... Извѣстное дѣло, казаки не церемонились съ ними!.. У насъ теперь часто бываетъ такъ, по военному: налетитъ верховой, разругаетъ, закричитъ: „навозъ убери! Тротуаръ подмети!“ —то, другое, и ускакалъ, не разсказавши толкомъ. Потомъ глядишь, прибѣжалъ въ другой разъ; если что неисправно, прямо тащатъ въ полицію. Тамъ тоже никакого толку не доберешься: нашихъ людей посмѣнили, а ихніе порядковъ здѣшнихъ еще не знаютъ. Бѣда и только.

— По деревнямъ у насъ въ уѣздѣ, сказалъ первый, порядка еще меньше. Такъ, духовенство считается Екатеринославской епархіи, доктора тоже еще земскіе оттуда. Изволь разбирать: кто-чей? кому и куда доносить, если что случится, и кого слушаться?.

Вскорѣ поѣздъ остановился близъ Ростовскаго вокзала. Поднялась обычная суета, шумъ и крикъ. Необходимо было спѣшить на слѣдующій поѣздъ, отходившій черезъ два часа. Пассажиры торопились, багажные или носильщики, предлагая свои услуги, рвали изъ рукъ вещи. Два слова о носильщикахъ. Не знаю, какъ въ центрѣ Россіи, но у насъ, на югѣ, вначалѣ, когда только устраивались желѣзныя дороги, было достаточно дать носильщику пятачекъ. Отходя, онъ благодарилъ. Это былъ простой деревенскій крестьянинъ въ сѣрой свиткѣ и чоботахъ, неповоротливый и неумѣлый. Позже пятака оказалось мало: носильщикъ, перемѣнилъ свитку и чоботы на фартухъ и сапоги: „господа“ стали давать гривенники. А теперь дашь двугривенный, и бойкій носильщикъ остается недовольнымъ. Ча-

сто проситъ прибавить, а не то прямо заявляетъ: „что вы даете? Этого мало!“ И посмотрите, сколько носильщиковъ на каждомъ болѣе или менѣе значительномъ вокзалѣ? Всѣ они вмѣстѣ съ „человѣками“, подвластными буфетчику, живутъ подачками отъ пассажировъ и живутъ не дурно. А почему заграницей на станціяхъ нѣтъ совсѣмъ или весьма мало носильщиковъ? Какъ тамъ пассажиры обходятся безъ нихъ? Надо полагать, что за границей не путешествуютъ по дорогамъ „настоящіе господа“, которые любили бы возить съ собою много багажа и въ тоже время стыдились бы при публикѣ два шага пронести свою вещь.

ГЛАВА II.

Отъ Ростова до Кубани.

Воспоминанія о станицѣ Батуринской и Черноморіи. Калмыки. Праздничный день станицы. Положеніе женщины-казачки. Иногородніе. Смерть Кухаренко. Въ чемъ состоитъ исторія Черноморіи? Лѣвый берегъ Кубани.

Ближайшимъ сосѣдомъ нашимъ въ вагонѣ, когда мы усѣлись въ него въ Ростовѣ, оказался какой-то тучный неопредѣленныхъ лѣтъ человѣкъ, изъ деревенскихъ. Онъ былъ въ длинномъ черномъ суконномъ пальто, подъ которымъ виднѣлся поношенный пиджакъ. На груди висѣла большая грязная серебряная цѣпочка. Лицо нѣсколько одутлое, руки толстыя, мозолистыя, загорѣлыя. Глаза бойкія, бѣгающія. Случайно мы разговорились. Оказалось, что онъ хорошо зналъ тѣ мѣста, по которымъ намъ предстояло проѣзжать въ эту ночь, именно, сѣверные предѣлы Кубанской области. Во многихъ станицахъ послѣдней у него имѣются какія-то торговыя дѣла. Теперь онъ занятъ приготовленіемъ къ молотьбѣ хлѣба. Въ прошломъ году у него было 10 молотилокъ, которыя работали въ станицахъ надъ чужимъ хлѣбомъ; теперь онъ приготовилъ ихъ 15 къ іюлю, а два года тому назадъ онъ имѣлъ всего двѣ молотилки. Каждая изъ нихъ черезъ два года окупается, на третій даетъ чистый заработокъ хозяину.

— А хорошій урожай здѣсь въ нынѣшнемъ году?—спрашиваю я.

— Не вездѣ. Мѣстами есть плохой... Да это бы еще куда ни шло! А вотъ бѣда: мужики стали нынѣ умнѣе!—продолжалъ собесѣдникъ, повидимому, съ досадой; стали заводить свои общественныя машины. А это, значитъ, подрывъ нашему брату. Вотъ тутъ въ Донщинѣ, по лѣвую руку, какъ мы ѣдемъ теперь, недавно еще былъ хорошій заработокъ молотилкой, а теперь совсѣмъ плохо: въ каждой

станицѣ двѣ-три своихъ молотилки. Въ этомъ году я думаю свои отправить подальше отъ желѣзной дороги на Бейсужокъ и Бейсугъ.

При послѣднихъ словахъ во мнѣ что-то встрепенулось, я вспомнилъ свое дѣтство на берегу Бейсуга въ Кубанской области и потому спросилъ:

— А вы были въ Батуринкѣ?

— Какъ не быть! Былъ, хотя давненько.

— Разскажите, пожалуста, когда именно.

— Въ первый разъ, началъ онъ, я былъ тамъ еще съ покойнымъ тятенькой, когда мнѣ было годовъ шестнадцать. Покойникъ былъ коробейникомъ. Еще тогда близъ этой самой станицы насъ чуть было калмыки не ухлопали. Это было давно.

— Въ шестидесятыхъ годахъ, да?

— Такъ, должно быть въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Станица эта была глухая, и мы потомъ не хаживали туда. Родитель давно уже померъ, я сталъ хозяиномъ, и вотъ годовъ десятокъ прошло, какъ я проѣзжалъ опять чрезъ Батуринку, когда отправлялся на Березанковскую ярмарку.

— Ну чтоже? поправилась Батуринка послѣ шестидесятыхъ годовъ?

— Подросла, стала куда больше противъ прежняго.

— Гдѣ же вы на Бейсужкѣ-то думаете работать? Вѣдь тамъ одни хутора?

— Какъ хутора? Теперь тамъ цѣлая станица. Нынѣ вонъ недавно церковь освятили. Туда-то я думаю послать двѣ машины, да только нужно узнать прежде, не было ли тамъ кого въ прошломъ году?—продолжалъ онъ какъ бы про себя.

Но я уже мало слушалъ его. Воспоминанія нахлынули на меня цѣлымъ роемъ. Я всецѣло отдался имъ и погрузился въ то недавнее время, къ началу шестидесятыхъ годовъ, когда я былъ здѣсь, видѣлъ и осязалъ эти мѣста. Какъ мало общаго, должно быть теперь въ станицѣ Батуринской и во всей Кубанской области съ тѣмъ, что было здѣсь въ то время? Теперь эту мѣстность прорѣзываютъ двѣ желѣзныя дороги. Вотъ человѣкъ говоритъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ онъ завелъ 15 молотилокъ, а я гдѣ-то недавно читалъ, что въ Кубанской области паровыхъ молотилокъ было въ 1886 году 272, а въ 1887—317. Если въ слѣдующія два лѣта ихъ прибавлялось по 50, то теперь ихъ, значитъ, болѣе 400! А давно ли о молотилкахъ и желѣзныхъ дорогахъ здѣсь никто понятія не имѣлъ?.. Но при этомъ мнѣ припомнилось слѣдующее обстоятель

ство. Въ ст. Архангельской, Кубанской области, лѣтъ 12 тому назадъ жилъ глубокій старикъ, которому было свыше 100 лѣтъ. Когда онъ впервые увидѣлъ желѣзнодорожный поѣздъ на полномъ ходу, то, перекрестившись, сказалъ: „таки довелось мнѣ дожить, когда по нашей степи пробѣжалъ *огненный конь*". На вопросъ, что это за огненный конь, онъ отвѣчалъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда только что заселилась Архангельская станица, жилъ въ ней какой-то человѣкъ, который часто говаривалъ, что „вотъ по этому самому кряжу, гдѣ теперь проходитъ желѣзная дорога, долженъ будетъ пробѣжать огненный конь, и его всѣ будутъ видѣть. „Это, значитъ, онъ и есть", указывалъ старикъ вечеромъ на дымившійся локомотивъ: „только мы тогда не могли понять о чемъ говорилъ тотъ человѣкъ, и думали объ огненномъ змѣ, что въ сказкахъ приводится. Въ то время по этой степи попадались кое гдѣ дикіе кони".

Такимъ образомъ, въ сороковыхъ годахъ, думалось мнѣ въ вагонѣ, дѣвственныя степи бывшей Черноморіи, какъ преріи Америки, были выпасомъ если не дикихъ, то безъ сомнѣнія одичавшихъ лошадей, въ шестидесятыхъ годахъ это была страна пастушеская, а теперь—она земледѣльческая въ полномъ смыслѣ слова. Въ шестидесятыхъ годахъ богатство черноморскаго казака измѣрялось исключительно количествомъ головъ рогатаго скота. У самаго бѣднаго жителя станицы была корова, нѣсколько десятковъ овецъ и, конечно, лошадь, безъ которой казакъ былъ немыслимъ. У большинства среднихъ по состоянію имѣлось нѣсколько десятковъ головъ рогатаго скота, зажиточные же считали ихъ сотнями, а господа—паны тысячами. Послѣдніе вслѣдствіе этого проживали на хуторахъ по балкамъ, въ разстояніи 5—10 и 15 верстъ отъ своей станицы и другъ отъ друга. У нихъ, кромѣ рогатаго скота, имѣлись большія отары овецъ и табуны лошадей. Численность головъ въ табунѣ простиралась до 5—8 сотъ и тысячи штукъ. Къ станицѣ Батуринской, напр. принадлежали богатые „хуторяне—паны: Кухаренко, Котляревскій, Борзикъ, братья Пискуны, Дуля и др. У первыхъ двухъ особенно многочисленные были табуны лошадей.

Какъ сейчасъ я помню такую картину: пріѣхали мы съ отцомъ на хуторъ къ подполковнику Котляревскому за подаренною отцу лошадью. Хуторъ стоялъ на противоположной сторонѣ Бейсуга отъ станицы въ 7—8 верстахъ. Большой панскій домъ расположенъ былъ недалеко отъ рѣки. Сзади дома „вишневый садокъ", за нимъ тянулась версты двѣ левада изъ тополя и вербы, еще дальше саженныхъ размѣровъ

камышъ и болота, обитателями которыхъ были, помимо всякой дичи, куницъ и лисицъ, еще дикія свиньи, козы и волки. Во дворѣ въ 2—3 стахъ шагахъ отъ главнаго дома и подальше, на взгорьѣ, огромнѣйшіе загоны для скота. Всѣ постройки крыты были камышемъ, стѣны загоновъ тоже устроены изъ камыша: дерева было мало, кирпича и желѣза совсѣмъ не было. У пана только главныя комнаты были на деревянныхъ полахъ, остальныя имѣли полы глиняныя. Отецъ, по обычаю того времени, привезъ изъ станицы могарыча въ видѣ четверти ведра „горилки", которую выпили за обѣдомъ, а тѣмъ временемъ табунщики-калмыки пригнали къ хутору „косякъ" лошадей въ 150—200 головъ. Послѣ обѣда́ вышли паны къ лошадямъ. Отцу предоставлено было право выбирать любую. Пока тотъ затруднялся, старикъ—хозяинъ, потомокъ запорожскаго казака, въ длинномъ халатѣ, широкихъ запорожскихъ шароварахъ съ длиннѣйшею трубкою въ зубахъ, обратился ко мнѣ:

— А ты, школяръ, яку-бъ соби выбравъ?

Я указалъ на молодого сѣренькаго съ бѣлыми пятнами „лошака".

— Бачь, батьку,—говоритъ хозяинъ отцу:—винъ розумнишь тебѣ: выбравъ хотъ молодого, та самаго красиваго. Ну, ловить его! крикнулъ онъ табунщикамъ. Тотчасъ одинъ взмахнулъ арканомъ, который, пропустивъ въ петлю голову, очутился на шеѣ лошади. Животное понеслось, калмыкъ сдѣлавъ 10—12 шаговъ, уперся каблуками въ землю—мертвая петля затянула и лошадь остановилась, потомъ опустилась на переднія колѣна, наклонивъ голову къ землѣ. Въ тотъ же моментъ другіе калмыки накинули на морду недоуздокъ, быстро посадили на спину 14 лѣтняго калмыченка и отпустили петлю. Бѣдное животное, получивъ возможность свободно дышать и въ тоже время чувствуя на себѣ непривычную ношу, бѣшено взвилось на дыбы, бросилось въ сторону—въ другую: ѣздокъ какъ будто приросъ къ спинѣ и то и дѣло хлесталъ нагайкой по ребрамъ направо и налѣво. Видя, что сбросить сѣдока не удается, лошадь помчалась въ степь и быстро скрылась изъ нашихъ глазъ. Въ первый моментъ страшно стало за юнаго наѣздника.

— Зачѣмъ посадили малаго калмыка на лошадь? Она убьетъ его!—сказалъ отецъ.

— Нэчего! Твоя лошадь молодой, моя калмыкъ молодой... Не боится... будетъ хорошъ... флегматично заявилъ старый калмыкъ.

Дѣйствительно, не прошло и часу, какъ лихой наѣзд-

никъ возвратился къ хутору, взмыливъ и изнуривъ такъ животное, что намъ потомъ не стоило большого труда, привязавъ его къ дрогамъ, довести домой.

— А разскажите, какое дѣло было у васъ съ калмыками подъ Батуринкой?—спросилъ я своего сосѣда по вагону.

— Обыкновенное по тому времени, отвѣтилъ онъ. Шли мы съ тятенькой изъ Переяславской станицы въ Батуринскую къ храмовому дню, наканунѣ Николы лѣтняго. Осталось уже верстъ шесть. Дѣло было среди дня. Вошли въ балку, отецъ и говоритъ: „нужно поспѣшить на гору. Это мѣсто опасное: въ камышахъ много кабановъ и волковъ.“ Только что онъ это проговорилъ,—глядь! по пригорку изъ степи несется къ намъ калмыкъ. Я едва не умеръ отъ страху! Поджилки трясутся—не могу идти!.. Отецъ говоритъ: „не робѣй! Раскрой ножъ!“ А я и двинуться не могу — духъ замеръ!.. Кругомъ насъ ни души. Только солнце стоитъ надъ головами, да съ боку камышъ шумитъ отъ вѣтра. „Раскрой ножъ!“ кричитъ отецъ. Въ это время молодая калмычка почти добѣжала до насъ и, не останавливаясь, повернула лошадь въ сторону, значитъ, какъ бы въ камышъ. У меня чуть отлегло; думаю: не къ намъ. Какъ вдругъ слышу, что то засвистѣло мимо меня, и арканъ прямо за шею тятьку! Тотъ повалился и потянулся вмѣстѣ съ коробкой по травѣ. Тутъ я опомнился. Бросился къ аркану, уцѣпился за него руками и перерѣзалъ его складнымъ ножемъ. Отецъ поднялся и мы бѣжать на гору. Смотримъ, калмычка за нами. Успѣла сдѣлать новую петлю и собиралась опять закинуть ее. Теперь отецъ поднялъ руки и палку кверху, чтобы не давать шеи. Я сдѣлалъ тоже. Калмычка видитъ хитрость, забѣжала впередъ и стала на дорогѣ. Мы тоже остановились. Слышимъ, она кому-то кричитъ и машетъ въ сторону.—Ну, теперь мы пропали! говоритъ отецъ: вонъ бѣжитъ другой... Отче святителю Николае! Помоги! взмолился старикъ. Я опять обезумѣлъ отъ страха. Но Богъ милостивъ! Съ горы послышался колокольчикъ. Мы перекрестились. Какъ вонъ и тройка почтовая показалась. Тутъ наши душители, какъ волки, попрятались въ камышъ“.

Разсказъ дышалъ искренностію и вполнѣ соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Черноморіи (нынѣ Кубанская область) населенность была слабая. Станицы, немногочисленныя по количеству дворовъ, расположены были въ 25—30 и даже 40 верстахъ одна отъ другой. На остальномъ пространствѣ кое гдѣ по рѣчкамъ селились одиноко хутора богачей, выходившихъ на

просторъ съ своимъ движимымъ имуществомъ. Какъ табунщиками, такъ и пастухами всѣхъ стадъ у хуторянъ были калмыки, которые въ тоже время были и полновластными хозяевами въ степи. Обыкновенно, калмыки располагались кибитками въ двухъ—трехъ верстахъ отъ хутора своего хозяина на возвышенныхъ мѣстахъ. Ближе имъ жить не позволялось: во первыхъ, потому, что калмыкъ – нехристь и ѣстъ падаль", какъ обыкновенно говаривали о нихъ хозяева а во вторыхъ, что съ кряжа, или „могилки" калмыку удобнѣе было наблюдать за скотомъ и свободнѣе гулять по полю. Пока стадо пасется, калмыкъ съ холма высматриваетъ добычу: заблудился ли волъ изъ станицы или лошадь, сбился ли съ дороги одиновій путникъ, а тѣмъ болѣе коробейникъ, или припоздалъ тяжело нагруженный товаромъ „шабай"—все можетъ служить ему добычей. Правда, жителей своей станицы они не обижали, казаковъ боялись. Точно также боялись и всякаго, кто имѣлъ при себѣ огнестрѣльное оружіе. При видѣ послѣдняго калмыкъ убѣгалъ въ степь безъ оглядки. Но зато на все остальное въ степи онъ смотрѣлъ, какъ на свою собственность. Въ этомъ отношеніи между голоднымъ волкомъ и дикимъ калмыкомъ разницы было немного. Одинъ дѣйствовалъ больше ночью, другой днемъ. Что убивалъ одинъ и не съѣдалъ, то подбиралъ другой. Объ убійствахъ людей по дорогамъ и безслѣдно пропавшихъ въ пути существовали многочисленные разсказы, особенно въ сѣверо-восточной части нынѣшней Кубанской области. По воскреснымъ днямъ калмыки нерѣдко являлись верхами, гурьбой въ четыре – пять душъ, въ станицы, направляясь сначала въ лавку купить табаку, а затѣмъ въ кабакъ. Описать наружность калмыка всего легче его же словами. Когда одинъ изъ нихъ увидѣлъ сдѣланный съ него карандашемъ портретъ, то, закрывъ лицо руками, сталъ неистово смѣяться, говоря: „О! о! плоскій носъ, узенькій глазки, широка лица, добра молодца!" Если такого „молодца" одѣть въ синій халатъ и такіе же шаровары, обуть въ сапоги съ толстыми далеко впередъ отодвинутыми каблуками, а повыше „широка лица" надѣть большую колесообразную шапку и посадить такую фигуру на лошадь, давъ ей въ руку толстую плеть и прикрѣпивъ къ сѣдлу большихъ размѣровъ волосяной арканъ, то и получится калмыкъ въ праздничномъ костюмѣ. Женщины отличались отъ мужчинъ только тѣмъ, что у первыхъ волосы заплетены были въ двѣ косы, обмотанныя въ клеенку и болтавшіяся впереди, на груди; у мужчинъ же была одна толстая голая коса, болтавшаяся сзади.

Часто семейная чета въѣзжала въ станицу, сидя верхомъ на одной лошади. Подвыпивши въ кабакѣ, калмыки съ гикомъ проносились по длиннымъ станичнымъ улицамъ, направляясь главнымъ образомъ на разодѣтую по праздничному толпу „дивчатъ и парубковъ“, при чемъ первыя, завидѣвъ мчавшихся на нихъ всадниковъ, поднимали визгъ и пискъ и стремительно разсыпались въ стороны или „перелетали“ черезъ заборы въ дворы, а вторые, успѣвъ нерѣдко схватить камни и колья, вступали въ рукопашную съ пьяной ордой, на потѣху праздничной „улицы“.

Калмыки жили въ Черноморіи и во всей Ставропольской губерніи, ведя кочевую жизнь, до 70-хъ годовъ. Потомъ ихъ частью выселили отсюда въ Астраханскую губернію, а частью заставили приписаться къ селамъ и станицамъ или образовать самостоятельные юрты.

Далѣе мнѣ припомнились всѣ обстоятельства праздничнаго дня въ станицѣ. Обыкновенно, пока „правилась обѣдня“, народъ со всѣхъ концовъ собирался въ церковь. Заслышавъ звонъ „на достойное“, лавочники изъ армянъ шли открывать свои лавки „шабан“ съ мыломъ, дегтемъ и косами, коробейники съ мелочью раскладывали на „базарѣ“, т. е. среди площади, предъ церковью, свои товары. Бабы-стряпухи спѣшили окончить пирожки съ сыромъ и сметаной, безъ чего не начинался ни одинъ праздничный обѣдъ у черноморца. Пообѣдавъ, „старики“ шли въ „сборню“, гдѣ станичный атаманъ и два „судьи“ производили судъ и расправу или обсуждали полученную отъ начальника „бумагу“. А весь женскій элементъ собирался „на улицу“, т. е., сходился со всего околотка къ какому нибудь двору и здѣсь располагался на землѣ, „забавляясь насиньями“, вплоть до прихода „череды“ въ станицу. Съ появленіемъ стадъ поднималась по улицамъ пыль, бѣготня, ревъ, мычанье на тысячи ладовъ и все это успокоивалось только въ сумеркахъ, когда весь взрослый рогатый скотъ, выгнанный изъ дворовъ на улицу, располагался здѣсь же подъ заборомъ на ночлегъ. Во дворъ по большимъ загонамъ, расположеннымъ на улицу, загонялись только овцы и лошади. Первыя береглись отъ волковъ, которые часто врывались ночью въ села, даже лѣтомъ, и производили опустошенія, а лошади сохранялись отъ калмыковъ, которые за ночь могли бы слишкомъ далеко ускакать отъ станицы. Вся семья казака обыкновенно располагалась лѣтомъ въ хорошую погоду тутъ же на дворѣ, подъ открытымъ небомъ на „спорышѣ“ (*Poligonum awiculare*) или „лободѣ“, а въ дурную погоду—на крыльцѣ или въ сѣняхъ. Мирный сонъ станицы обыкновенно ничѣмъ

не нарушался. Лишь подъ воскресенье или праздникъ вся ночь на-пролетъ оглашалась „спивами дивчатъ“ и свистомъ парубковъ, гулявшихъ „на досвиткахъ“. Это было ихъ право, которымъ парубки пользовались обыкновенно два—три года. Уже съ 18 лѣтъ юноша считался казакомъ и обязанъ былъ нести эту повинность до гробовой доски. Значительное большинство казаковъ съ 20 лѣтъ находились въ строю, на театрѣ (при войнѣ) военныхъ дѣйствій или на постахъ по Кубанской линіи. Эта мѣстность вслѣдствіе этого содержала въ себѣ $^4/_5$ всего мужскаго народонаселенія Черноморіи. Вотъ почему въ станицахъ, отдаленныхъ отъ Кубани, въ сильной степени преобладалъ женскій элементъ. Въ то время, какъ „чоловикъ“ былъ постоянно на службѣ, баба—казачка одна вела свое хозяйство. Она одна управлялась и съ „хлибомъ“, и съ „скотиною“, и со всѣмъ хозяйствомъ. Положеніе, въ которомъ казачка была единственнымъ сельскимъ рабочимъ въ станицахъ, тянулось очень долго и послѣ того, какъ по „замиреніи Кавказа“ служба казака значительно была облегчена, когда сроки ея были уравнены съ солдатскими. Привыкнувъ на посту къ праздной жизни, казакъ лѣнился и дома, и потому всю черную и тяжелую работу сваливалъ всегда на жену. Кромѣ того, привычка къ праздности была причиною того, что къ концу семидесятыхъ годовъ въ станицахъ стало сильно развиваться пьянство, котораго совсѣмъ не было еще въ началѣ этого десятка лѣтъ. Выдающуюся въ станицахъ роль кабакъ пріобрѣлъ въ семидесятыхъ годахъ, когда онъ изъ самаго глухаго въ станицѣ мѣста, близъ рѣчки, или на концѣ улицы, перенесенъ былъ на самое видное и бойкое мѣсто, на церковную площадь. Такъ было въ станицѣ Батуринской, такъ это было и во всѣхъ другихъ станицахъ. Черноморія въ 70-хъ годахъ вошла въ составъ Кубанской области. Въ это время ея станицы содержали большое количество иногороднихъ или „городовиковъ“, выходцевъ изъ Россіи. Въ это же время изгнанъ былъ и калмыкъ изъ степей Кубани въ восточную часть Ставропольской губерніи и далѣе въ Астраханскую губернію. Еще 10 лѣтъ спустя, къ началу 80 годовъ, станицы, послѣ нелегкой борьбы съ хуторянами, стянули хутора къ себѣ, такъ что между прежней Черноморіей и нынѣшней Кубанской областью общаго осталось очень мало. Пришлый или иногородній элементъ принесъ и быстро привилъ потомкамъ древнихъ славныхъ запорожцевъ свою культуру. Въ чемъ она состоитъ?...

— До станціи Тихорѣцкой кто имѣетъ билеты? раздались по вагону слова кондуктора: „Господинъ! — поз-

вольте вашъ билетъ", обратился кондукторъ къ одному изъ главныхъ, быть можетъ, насадителей этой культуры, къ давно уже спавшему моему сосѣду.—Вамъ здѣсь пересаживаться", добавилъ онъ ему. Тотъ сталъ собирать свои вещи.

— А вы не спали?—спросилъ сосѣдъ меня.

— Нѣтъ, все думалъ о бывшей здѣсь когда-то Черноморіи

— Э!—давно уже нѣтъ ея здѣсь; теперь пошли не тѣ времена, сказалъ онъ съ грустью.

— А развѣ прежде лучше жилось?

— Да какъ вамъ сказать? Прежде было куда лучше; а то вотъ ѣду я теперь, да и боюсь: а что какъ не удастся мнѣ в; этомъ году пристроить свои молотилки? Что тогда? Хоть въ петлю полѣзай!...

Но тутъ раздался свистокъ, а за нимъ поѣздъ почти на всемъ ходу вдругъ остановился у станціи. Взглянувъ въ окно, я замѣтилъ, что начинается разсвѣтъ. Я давно ждалъ его, чтобы увидѣть родную степь, ровную, какъ скатерть, покрытую зеленой муравой и содержащую свои естественныя богатства. Конечно, мнѣ хотѣлось видѣть эту степь такою, какою я зналъ ее во дни юности. Въ то время растительность степи была весьма роскошная. Сочныя травы съ ковылемъ во главѣ пестрѣли разнообразными цвѣтами и перемежались съ кустарниками дикаго миндаля (*Amygdalus nana*), степной вишни (*Prunus chamicerasus*), терна и др. Изъ царства животныхъ звѣри и птицы попадались, не смотря на ровную и открытую мѣстность, почти на каждомъ шагу. Въ особенности памятны мнѣ стада дрохвъ, журавлей и сборища стрепетовъ, не говоря о безчисленномъ количествѣ и разнообразіи обитателей рѣчекъ, болотъ и плавней, именно: объ уткахъ, гусяхъ, бакланахъ и лебедяхъ („Лебяжье озеро" въ концѣ Бейсуга). Какъ дорого далъ-бы теперь за такія степи всякій натуралистъ! Сколько новаго и интереснаго матеріала собралъ бы теперешній зоологъ и ботаникъ въ такихъ мѣстахъ! Что осталось теперь отъ всего этого?—Очень мало.

Когда поѣздъ отошелъ отъ станціи, я, стоя на площадкѣ вагона, увидѣлъ длинныя платформы, нагруженныя подъ самую крышу кулями пшеницы. Кончились крытыя платформы, потянулись досчатыя подставки все съ тѣми же кулями и, наконецъ, кули лежали прямо на землѣ безъ всякой подстилки: кули подъ брезентами, кули подъ рогожами и безъ всякаго прикрытія. Очевидно, что здѣсь сложено было нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ хлѣба еще прошлогодняго посѣва. Оказалось, что еще большее коли-

чество кулей пшеницы сложено на слѣдующей, Новороссійской станціи, и почти столько же, по словамъ кондуктора нашего поѣзда, хлѣба на всѣхъ предъидущихъ станціяхъ отъ Ростова*).

Между тѣмъ уже совсѣмъ стало свѣтло. Съ востока по едва замѣтной балочкѣ тянулся густой туманъ, надъ которымъ, чрезъ нѣкоторое время; обрисовался пурпуровый гигантскихъ размѣровъ шаръ утренняго солнца. Въ воздухѣ было тихо и тепло. Нашъ поѣздъ мчался по совершенно ровной мѣстности, по степи, *habitus* которой совершенно былъ не тотъ, какимъ онъ мнѣ представлялся по воспоминаніямъ. Все поле на тридцать верстъ вокругъ, до горизонта включительно, представляло изъ себя одну колоссальную ниву созрѣвшей пшеницы. Итакъ, пшеница всюду: на поляхъ, въ вагонахъ и на платформахъ желѣзной дороги. Мнѣ теперь ясно стало, почему мой сосѣдъ по вагону могъ въ три года завести 15 молотилокъ. Понятно также, почему образовалось близъ станицы Архангельской особенное, крайне оригинальное мѣстечко въ полтораста — двѣсти дворовъ жителей. Еще недавно, въ 1875 году, здѣсь былъ станичный выгонъ, за которымъ въ полутора верстахъ пролегала желѣзная дорога. А теперь здѣсь, по словамъ кондуктора, „нашъ русскій элеваторъ". Мѣстечко это имѣетъ совершенно особенный внѣшній видъ и проявляетъ самостоятельную дѣятельность. Представьте себѣ двѣ улицы изъ чистенькихъ одно - и, кое гдѣ, двухэтажныхъ домовъ, построенныхъ на городской манеръ, подъ желѣзной крышей. Близъ каждаго дома по улицѣ тянутся одинъ или два амбара большихъ размѣровъ на толстыхъ столбахъ; около амбаровъ почти среди улицы установлены вѣсы и цѣлый рядъ гирь, соединенныхъ общею цѣпью. Никакихъ другихъ построекъ нѣтъ во дворѣ. Кое гдѣ на домахъ красуются вывѣски съ надписью: „трактирное заведеніе" или „бакалейная лавка". Съ ранняго утра до глубокой ночи здѣсь одни люди привозятъ на фурахъ хлѣбъ откуда то, другіе этотъ хлѣбъ переважпваютъ и пересыпаютъ, а третьи, похожіе на моего, только что ушедшаго изъ вагона, сосѣда, мѣлкомъ по стѣнамъ амбара или карандашемъ на грязной бумажкѣ что-то записываютъ. Затѣмъ первые идутъ въ „трактирныя заведенія", а послѣдніе на Новороссійскую станцію, которая играетъ для нихъ роль клуба.

Я не видѣлъ американскаго элеватора, но

*) Какъ извѣстно, во время голода 1892 г. описываемое пространство Россіи называлось житницей ея, потому что дало милліоны пудовъ хлѣба для земствъ голодающихъ губерній.

этотъ „нашъ русскій" не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Впрочемъ, не одинъ онъ мнѣ не понравился на этомъ пути. Еще больше мнѣ не понравилось отсутствіе въ видѣнныхъ мною теперь станицахъ толокъ и выгоновъ, на которыхъ свободно могъ бы пастись скотъ. Не видно также нигдѣ во дворахъ старыхъ скирдъ хлѣба и стоговъ сѣна. Съ давнихъ поръ я привыкъ къ такому взгляду, что чѣмъ больше осталось на дворѣ запасныхъ скирдъ и стоговъ, тѣмъ зажиточнѣе хозяинъ, а чѣмъ чаще въ деревнѣ встрѣчаются дворы со старымъ запасомъ, тѣмъ богаче деревня. Впрочемъ, такъ было 20—25 лѣтъ назадъ. Что-же теперь служитъ мѣриломъ зажиточности хозяина и богатства деревни?—спрашивалъ я себя.—Количество амбаровъ и кулей? Но таковыхъ почему то не видно на дворахъ у крестьянъ. Они встрѣчаются, къ сожалѣнію, только у владѣльцевъ молотилокъ или „трактирныхъ заведеній" и „бакалейныхъ лавокъ", да на вокзалахъ желѣзной дороги. Чтожъ дѣлать? Таковы результаты культуры, начавшейся здѣсь съ прибытіемъ „иногороднихъ".

Когда поѣздъ сталъ приближаться къ станціи Мирской, я впервые увидѣлъ мѣста сѣнокосовъ. Присутствіе на поляхъ большихъ и вѣтвистыхъ кустовъ *катрана* (*Crambe*) съ бѣлыми цвѣтами и огромными вырѣзными листьями свидѣтельствовало о томъ, что степь здѣсь не была еще тронута плугомъ. Кромѣ катрана, виднѣлись всюду ковыль, дикій миндаль и множество злаковъ. Въ общемъ травы слаборослы и рѣдки; видимо, сухое лѣто отразилось и на нихъ, хотя мы были всего въ 15 верстахъ отъ Кубани и можно было ожидать умѣряющаго дѣйствія ея водъ на окрестности.

Вскорѣ мѣстность стала понижаться къ рѣкѣ, мы приближались къ историческому мѣсту для Кубанской области. Здѣсь у станціи Кавказской была пролита въ послѣдній разъ въ многолѣтней борьбѣ съ черкесами кровь Черноморскихъ казаковъ. И эта послѣдняя кровавая сцена была произведена здѣсь по всѣмъ правиламъ и пріемамъ, какіе практиковались въ теченіе шестидесятилѣтней междоусобицы русскихъ съ кавказскими племенами. Подробности дѣла были таковы. Въ сентябрѣ 1862 года наказной атаманъ Кубанскихъ казачьихъ войскъ генералъ Кухаренко отправился изъ Екатеринодара въ Ставрополь въ сопровожденіи своего зятя и караула казаковъ. Путникамъ ночью пришлось проѣзжать описываемыя мѣста. Едва они опустились въ балку, какъ изъ лѣса, окаймлявшаго правый берегъ Кубани, выскочила засада черкесовъ и въ

нѣсколько минутъ конвой былъ изрубленъ въ куски. Кухаренко и его зять были взяты въ плѣнъ и увезены за Кубань далеко въ горы. Первый не могъ вынести холоднаго времени года, простудился и чрезъ нѣсколько дней умеръ. Тѣло его вскорости же было выкуплено правительствомъ, перевезено въ Екатеринодаръ и въ ожиданіи Ставропольскаго Преосвященнаго, приглашеннаго на похороны, долго стояло въ городскомъ соборѣ. Горько плакали Черноморцы по своемъ послѣднемъ батькѣ—атаманѣ! Чтобы надольше сохранить память о немъ въ потомкахъ, старики водили насъ всѣхъ „школяровъ" города къ праху покойнаго и разсказывали намъ о геройской смерти его. Это былъ послѣдній начальникъ Черноморіи или Кубанской области изъ потомковъ запорожцевъ. Послѣ него наказныхъ атамановъ для Кубанской области стали назначать изъ русскихъ или изъ «москаливъ», какъ обыкновенно выражаются здѣсь.

Подъѣзжая къ станціи, я къ удивленію своему увидѣлъ вмѣсто дикой мѣстности, какая была здѣсь еще въ 1874 году, цѣлый городокъ или большое торговое мѣстечко, обязанное своимъ происхожденіемъ исключительно желѣзной дорогѣ. Говорятъ, впрочемъ, что ростъ этого пункта пріостановился съ тѣхъ поръ, какъ была проведена вѣтвь желѣзной дороги отъ Тихорѣцкой до Новороссійска. Но для меня было страннымъ видѣть въ теченіе одного дня второй, еще болѣе рѣзкій образчикъ культурнаго роста моей родины. Это выходитъ чисто по—американски, по крайней мѣрѣ такъ казалось съ перваго взгляда. На самомъ же дѣлѣ, общаго съ Америкой только то, что, занимая новыя мѣста, человѣкъ набрасывается на самое выгодное производство въ нихъ. А такъ какъ русскій человѣкъ во всей своей массѣ умѣетъ сѣять,—а не культивировать!—только пшеницу, производить же что либо другое или ту же пшеницу, но не на тучномъ черноземѣ, онъ до сихъ поръ еще не научился, да и не скоро научится,—то съ этого же пункта начинается отличіе наше отъ Америки. Въ Америкѣ всякая новая мѣстность не только заселяется и утилизируется наивыгоднѣйшимъ производствомъ, но и изучается основательно. Поэтому-то въ ней при заселеніи мѣстности раньше всего учреждаются низшія, среднія и высшія школы, помимо всѣхъ другихъ способовъ развитія и просвѣщенія, а у насъ...... произнося послѣднія слова, для душевнаго успокоенія скорѣе ставь точку!.. Въ Кубанской области теперь пшеница будетъ засѣваться до тѣхъ поръ, пока окончательно не истощится земля или не увеличится народонаселеніе

до того, что на каждаго пахаря будетъ приходиться менѣе 2 десятинъ земли. А такъ какъ здѣсь не Курская или Подольская губернія, а степная полоса, въ которой десятина земли не можетъ прокормить одного человѣка, то недалеко то время, когда не только пришлому сюда иногороднему, но и моимъ сверстникамъ по станицѣ Батуринской: Бутенко, Балабаненко и др., придется, быть можетъ, въ скоромъ времени быть въ числѣ несчастныхъ переселенцевъ въ какую нибудь Закаспійскую или Тибетскую область. Благо, можно надѣяться, что будетъ скоро и такая въ Россіи!...

Но, чтобы не быть голословнымъ, я долженъ оговориться, во избѣжаніе несогласія съ нѣкоторыми положеніями такого знатока даннаго края, какъ Ф. А. Щербина. Послѣдній, въ сочиненіи «Земельная Община Кубанскихъ Казаковъ», говоритъ, что „при населеніи въ 1.074.400 душъ обоего пола въ Кубанской области приходится по 12,8 душъ на квадр. версту, или 624,5 д. на квадр. милю, или, наконецъ, 8 десятинъ на душу. Условія,—надолго исключающія мысль о переселеніи“.. Чтобы дойти, напр., до густоты населенія Московской губерніи, количество жителей области должно учетвериться, а чтобы сравняться въ этомъ отношеніи съ Бельгіей, самымъ густо населеннымъ государствомъ Европы, оно должно увеличиться въ 15 разъ, т. е., равняться по крайней мѣрѣ 17 мил. душъ. „Такое отношеніе количества населенія къ площади земли оказывается тѣмъ благопріятнѣе, что край отличается особеннымъ разнообразіемъ и богатствомъ природы. Здѣсь человѣку не надо быть исключительно земледѣльцемъ и скотоводомъ, чтобы двигать экономическую жизнь впередъ и располагать достаточными матеріальными средствами. Помимо почвы, къ услугамъ его тутъ является содержаніе водъ и земли—и рыба, и соль, и нефть, и каменный уголь, и, быть можетъ, даже металлы“... „Далѣе Кубанская область во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ областей Россіи, которыя природа щедро одарила своими дарами и къ которымъ человѣку стоитъ только сколько нибудь умѣло приложить руки, чтобы получить дары въ избыткѣ“.

Да, *умѣло* приложить руки! Легко сказать! Но обратимся къ началу цитаты.

Прежде всего напоминаю читателю, что въ своей рѣчи о Кубанской области я говорю исключительно только о Черноморіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а не о всей Кубанской области, къ которой относятся цитируемыя мною слова Ф. А. Щербины. Разница у насъ выходитъ большая, потому что те-

нерешняя Кубанская область состоитъ изъ бывшей Черноморіи, Старой Линіи, Новой Линіи и Закубанья. Очень жаль, что въ статьѣ „Земельная Община“ не приводится данныхъ о густотѣ населенія каждой части Кубанской области. Тогда бы мы, быть можетъ, увидѣли, что населеніе бывшей Черноморіи значительно плотнѣе, чѣмъ „8 дес. на душу“. Строго говоря, оно теперь несравненно плотнѣе во всей Кубанской области, если принять во вниманіе, что здѣсь есть весьма значительныя части земли, которыя никогда къ заселенію не будутъ годны. Я укажу только на два такихъ участка: первый—вся высокогорная область Закубанья и второй—плавни Азовскаго и Чернаго морей. Далѣе, если по отношенію ко всей Кубанской области и можно сказать, что „природа щедро одарила ее своими дарами“, то, я надѣюсь, самъ авторъ этихъ словъ не отнесетъ ихъ къ Черноморіи въ частности. Въ послѣдней, кромѣ плодородной (теперь пока) почвы, рыбныхъ промысловъ и соли по берегу Азовскаго моря, нѣтъ ничего. Нефть, каменный уголь и „быть можетъ, даже металлы“ здѣсь не найдены пока, да врядъ ли и когда либо отыщутся. Не беря же во вниманіе соли, добываніе которой весьма незначительно, окажется, что въ пользованіи Черноморіи остаются только рыбные промыслы и почва. Но относительно первыхъ самъ Ф. А. Щербина говоритъ слѣдующее: „та же культура, не пощадивъ пернатыхъ и четвероногихъ животныхъ, варварски расправилась и съ обитателями водъ“. Далѣе весьма картинно изображается, чѣмъ еще не такъ давно изобиловали рѣчки и притоки Азовскаго моря: осетры, севрюга, бѣлуга, карпъ, сула (судакъ), тарань (вобла), чабакъ (лещъ), шамая, рыбецъ и сельдь буквально переполняли всѣ эти воды, не исключая Кубани... Заброшенные въ лиманъ и море невода вытаскивались по нѣсколько сутокъ сряду и все таки не хватало силъ ни людей, ни даже быковъ и лошадей, которыхъ рядомъ съ забродчиками запрягали «въ лямку», чтобы справиться съ уловомъ, почему и прорѣзывали мѣстами въ неводѣ дырки, выпуская «лишнюю» рыбу. А теперь рыбопромышленники считаютъ рыбу по пальцамъ и тотъ, кто между ними поймаетъ сотню или тысячу тарани въ разъ, уже хвастается необычайнымъ уловомъ. Рыбы нѣтъ, —старина кажется сказкою.

Слѣдовательно, перефразируя вышеприведенныя слова, приходится сказать, что въ вѣдѣніи жителей Черноморіи остается исключительно земледѣліе, къ которому человѣкъ долженъ «умѣло приложить руки, чтобы располагать до-

статочными матеріальными средствами». Вотъ неоспоримые выводы, къ которымъ мы пришли!

Когда вдумаешься въ событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ, когда представишь себѣ все то, что знаешь о странѣ, невольно придешь къ весьма печальнымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ къ чему свелась сущность исторіи бывшей Черноморія.

Сто лѣтъ только прошло, какъ эта мѣстность стала колонизироваться, принявъ въ 1711 году на свои дѣвственные луга 25 тысячъ душъ потомковъ нашихъ знаменитыхъ запорожцевъ. Въ теченіе первыхъ шестидесяти лѣтъ Кубанскій казакъ своею могучею грудью долженъ былъ отстаивать границу Россіи и вытѣснять врага, иновѣрца, изъ его позиціи, очищая новыя, прекрасныя мѣста для всѣхъ сыновъ своего отечества. Затѣмъ съ 1862-64 г. начинается мирный, культурный періодъ. Выражается онъ весьма странно: старики и пожилые казаки, возвратившись къ своимъ семьямъ послѣ войны, отдыхаютъ отъ службы и занимаются большею частью воспоминаніями о подвигахъ неустрашимыхъ пластуновъ и лазутчиковъ, о мужествѣ и храбрости различныхъ урядниковъ и эсауловъ и проч. и проч. Молодежь, воодушевляемая геройскими разсказами, идетъ на службу, гдѣ воевать уже не съ кѣмъ, но гдѣ духъ неустрашимаго казака энергично поддерживается въ праздной уже жизни гарцованіемъ на коняхъ и другими казацкими занятіями. Возвратившись домой послѣ „строя", полный силъ, казакъ считаетъ нужнымъ тоже отдохнуть, начинаетъ гулять, да погуливать. А тѣмъ временемъ его край заселяется. Тысячи выходцевъ изъ Россіи заполняютъ не только пустыя недавно завоеванныя мѣста, но и населенныя цѣлыми поколѣніями древнихъ запорожцевъ родовые хутора, толоки, царины и другія угодья. Мѣстность быстро переполняется народомъ. „Въ послѣднія 15 лѣтъ, говоритъ Ф. А. Щербина, общее количество иногороднихъ въ Кубанской области возрасло до 250 тысячъ душъ, что составляетъ 25% казачьяго населенія". А что будетъ здѣсь еще чрезъ 15—20 лѣтъ? Чѣмъ будетъ жить и заниматься потомъ вся эта разношерстная масса, населяющая теперь описываемую мѣстность?..

Впрочемъ, политическая экономія и соціальныя науки—не моя спеціальность. Какъ натуралистъ, я только не могу не скорбѣть о томъ, что русскій человѣкъ страшно жестокъ къ окружающей его природѣ и къ самому себѣ. Куда бы ни пришелъ, гдѣ бы ни поселился, онъ

прежде всего истребитъ естественныя богатства края, самъ ни на іоту не сдѣлавшись богаче и опытнѣе. И все это потому, что некому позаботиться о его умственномъ и нравственномъ развитіи и усовершенствованіи; некому сказать, что не одной пшеницей живъ будетъ человѣкъ, некому научить, чѣмъ нужно заниматься еще, чтобы, въ случаѣ засухи и неурожая пшеницы, не умереть съ голода.

Пока мнѣ въ голову приходили такія грустныя мысли о моей родинѣ, поѣздъ подошелъ къ самой Кубани, мутныя воды которой готовились къ лѣтнему разливу. Потомъ потянулись необозримыя пространства заливныхъ луговъ, которыхъ не успѣла еще исказить рука „русскаго культурнаго человѣка“. Съ весны до лѣтняго разлива Кубани отъ станцій Кавказской и Невинномысской на тучномъ слоѣ наноса на ровныхъ мѣстахъ и на песчаныхъ возвышенныхъ пунктахъ успѣваетъ обыкновенно развиться и созрѣть масса разнообразныхъ растительныхъ формъ, интересныхъ для всякаго наблюдателя, не только для ботаника. Теперь все было въ полномъ цвѣту и блистало удивительною роскошью роста. Прослѣдовавъ станцію Невинномысскую, поѣздъ сталъ подниматься въ гору. Наивысшую точку поднятія желѣзная дорога имѣетъ около станціи Барсуки, гдѣ она достигаетъ 1430 ф. надъ уровнемъ моря. Между этой станціей и слѣдующей Курсавки, гдѣ мы высадились, чтобы отправиться въ с. Султановское, а оттуда въ Ставрополь, мѣстность снова понижается къ Тереку. Это и есть Кубанско Терскій водораздѣлъ, который намъ хотѣлось проѣхать на всемъ его протяженіи отъ Ставрополя до Эльборуса включительно.

ГЛАВА III.

Въ Ставропольской губерніи.

Верховье Калауса и земля удѣльнаго вѣдомства.—Стрыжаментъ.—Ставрополь.—Сыпучіе пески Бешпагира.

На другой день по пріѣздѣ въ с. Султановское, предпринятъ былъ осмотръ окрестныхъ горъ, расположенныхъ живописно амфитеатромъ съ юго-восточной стороны села. Съ вершины ближайшей изъ нихъ, г. Брыковой, поднятой на 2200 фут. н. у. м., видна была по направленію къ сѣверу котловина, состоящая изъ большихъ неровностей и глубокихъ балокъ, между которыми первенствовала по раз-

мѣрамъ балка р. Калауса, пересыхающая въ теченіе всего лѣта не только здѣсь въ своемъ верховьи, но и по всему своему теченію. Изъ другихъ значительныхъ балокъ, впадающихъ въ Калаусъ слѣва, двѣ принадлежали Большимъ и Малымъ Янкулямъ. Далѣе къ западу на горизонтѣ виднѣлась г. Темнолѣсская, отъ которой къ востоку простирался кряжъ вершинъ весьма неясныхъ и неопредѣленныхъ очертаній. Съ непривычки оріентироваться въ гористой мѣстности послѣ того, какъ глазъ вашъ видѣлъ только ровное степное пространство, трудно было сразу опредѣлить хотя-бы приблизительно разстояніе между выдающимися пунктами на горизонтѣ и въ самой котловинѣ. Только справившись на дому съ картою и разспросивъ у мѣстныхъ жителей о видѣнномъ, вы узнаете, что вся эта мѣстность отъ с. Султановскаго до Ставрополя, на разстояніи 85 верстъ, принадлежитъ удѣльному вѣдомству, очень слабо населена, арендуется, главнымъ образомъ, крупными овцеводами „тавричанами“, а также крестьянами, засѣвающими здѣсь пшеницу.

Получивъ такія свѣдѣнія, мы рѣшили подробно осмотрѣть эту мѣстность, для чего утромъ слѣдующаго дня отправиться въ путь на крестьянской подводѣ въ легкомъ тарантасѣ, запряженномъ парою лошадей. Сначала спускъ съ Брыковой въ долину Калауса совершался быстро и удобно по гладкой дорогѣ, окаймленной густою травою изъ злаковъ и др. растеній, свидѣтельствовавшихъ о присутствіи здѣсь тучнаго чернозема; но по мѣрѣ того, какъ приходилось понижаться къ руслу рѣчки, дорога становилась менѣе удобной, такъ какъ все чаще и чаще попадались на ней выбоины и ухабы, почва переходила постепенно въ глинистую, рыжеватую на видъ, а кое - гдѣ и съ пепельнымъ налетомъ. Растительность тоже постепенно рѣдѣла и становилась болѣе однообразной; всюду преобладали: аржанецъ, деревей, курай, бѣлая полынь и другія, большею частью жесткія и безполезныя для скота, травы. Все это убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывало, что здѣсь, внизу по долинамъ, почва не черноземная, а глинисто-солончаковая; по мѣстному ее называютъ „рудоземъ“. При дальнѣйшемъ слѣдованіи по всему пространству удѣльнаго вѣдомства пришлось убѣдиться, что не только по низовьямъ долинъ, но даже на взгорьяхъ и перевалахъ травы большею частью однообразны; лишь изрѣдка попадаются мѣста, на которыхъ сѣнокосъ состоитъ изъ такихъ цѣнныхъ травъ, какъ *пырей, тимофѣевка, люцерна* и *клеверъ*, чаще, въ особенности по склонамъ и уг-

лубленіямъ, среди травъ, снимаемыхъ подъ сѣно, преобладаетъ *желтенецъ* (*Galium verum*), вслѣдствіе чего все поле издали имѣетъ видъ желтозеленый. Это растеніе, по снятіи травы, быстро чернѣетъ и дѣлаетъ сѣно буровато-темнымъ, какъ бы подопрѣвшимъ, и потому малоцѣннымъ въ продажѣ.

Что касается древесныхъ породъ, то на всемъ пространствѣ верхняго теченія Калауса и его притоковъ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ природнаго лѣса. Кромѣ того, нигдѣ невидно кустарниковъ: *бобовника* или дикаго *вишняка*, а также такихъ травъ, которыя характерны для степей Южной Россіи. Очевидно, что степи Калауса нельзя относить къ ковыльнымъ южно-русскимъ степямъ; онѣ составляютъ нѣчто среднее между ковыльною и полынною степью, причемъ послѣдняя особенно рельефно выступаетъ по низинамъ. Къ искусственнымъ же лѣснымъ насажденіямъ относится небольшая роща изъ ясени близъ первой Терновской сторожки Удѣльнаго вѣдомства. Деревья этой рощи, несмотря на 15 лѣтній періодъ существованія ихъ, крайне малы и невзрачны, потому что роща стоитъ на днѣ балки, на солончаковой почвѣ. Болѣе удачной попыткой лѣсоразведенія нужно признать школу изъ лѣсныхъ породъ, близъ второй Терновской сторожки, гдѣ трехлѣтніе всходы дали прекрасные результаты, потому что мѣстность подъ школу выбрана почти на вершинѣ перевала между двумя рѣчками, на высотѣ 1000 фут. н. у. м., гдѣ черноземъ залегаетъ до 3 футъ въ глубину.

По отношенію къ климату наша мѣстность находится въ очень благопріятныхъ условіяхъ по сравненію съ остальнымъ пространствомъ Ставропольской губерніи. Примыкая непосредственно къ бассейну Кубани, верховье Калауса въ достаточномъ количествѣ пользуется влагой, приносимой юго-западными вѣтрами. Всякій разъ, какъ западныя тучи, пройдя по низовьямъ Кубани, встрѣчаютъ высоты Стрыжамента и Ставропольскія горы и разражаются здѣсь сильнымъ ливнемъ, на долю нашей мѣстности остается еще не мало дождя, на долю Калиновскаго кряжа, отстоящаго на 20 верстъ къ востоку, приходятся только остатки влаги, а затѣмъ облака безслѣдно проносятся надъ трухменскими и калмыцкими степями, подымаясь все выше и выше и постепенно тая въ сухой атмосферѣ этихъ степей. Значительное количество атмосферной влаги и степень тепла, какими пользовалась искони вѣковъ верховье Калауса, послужили причиною химическихъ процессовъ въ растительной жизни, въ результатѣ чего получилось накопленіе пере-

гноя въ почвѣ. Понятно само собою, что на южныхъ, болѣе крутыхъ и сильнѣе согрѣваемыхъ склонахъ условія для гніенія растительныхъ остатковъ менѣе благопріятныя, чѣмъ на отлогихъ сѣверныхъ; слѣдовательно, накопленіе перегноя на послѣднихъ должно быть большее, чѣмъ на первыхъ, что и наблюдается въ дѣйствительности.

Разсматриваемая нами мѣстность отличается отсутствіемъ родниковъ, колодцевъ и воды въ рѣчкахъ. Единственнымъ источникомъ водоснабженія являются запруды, устраиваемыя по балкамъ. Вслѣдствіе значительной соленоватости здѣшней почвы, вода, задержанная въ балкѣ запрудой, не подвергается такому быстрому заростанію водорослями, плесенью и вообще загниванію, какъ въ другихъ мѣстахъ юга Россіи. Но, несмотря на это, устройство плотинъ крайне примитивное. Насыпи въ полтора, много два аршина вышины и полъ аршина ширины чаще всего встрѣчаются по балкамъ. При всякомъ болѣе или менѣе значительномъ дождѣ такія запруды разрушаются, и жители нерѣдко остаются на долгое время безъ воды. Къ удивленію, и Удѣльное вѣдомство, повидимому, мало обращаетъ вниманія на это обстоятельство. До послѣдняго времени оно получало доходъ съ своихъ 112 тыс. десятинъ земли отъ отдачи большихъ участковъ подъ выпасъ скота и овецъ, частью и подъ хлѣбопашество. Условія аренды были приблизительно такія: 60 коп. въ годъ за десятину срокомъ на 12 лѣтъ. Но въ послѣдніе 4—5 лѣтъ стоимость земли возрасла до 2 руб. 30 коп. за десятину подъ овцеводство и до 3 руб. подъ хлѣбопашество срокомъ на 9 лѣтъ. Прежде преобладало здѣсь ското—и овцеводство; были арендаторы, державшіе по 15, 25 и 40 тысячъ головъ овцы. Но въ послѣднія годы крупная аренда вытѣсняется мелкой. Землю охотнѣе берутъ подъ посѣвы небольшими участками. Слѣдовательно, цѣлинныя мѣста распахиваются, а въ результатѣ всеобщей распашки мѣстности получается, какъ извѣстно, усиленіе засухъ, край высыхаетъ. По послѣднимъ работамъ геолога г. Иванова и г. Дементьева видно, что усыханіе Ставропольской губерніи зависитъ отъ истребленія лѣсовъ, бывшихъ не такъ еще давно здѣсь, отъ распашки черноземныхъ цѣлинныхъ степей, а также оттого, что, по изслѣдованію Кумско-Манычской экспедиціи, происходитъ уменьшеніе байссейна (усыханіе) Каспійскаго моря, сократившагося за послѣднія 100 лѣтъ на 300,50 верстъ въ своей поверхности, слѣдовательно, обнажившаго свои пески на 1.500.000 десятинъ. Конечно, послѣдняя причина стихійная, ея вліяніе еще

не коснулось верховья Калауса, но что касается хлѣбопашества, то всѣ гибельныя послѣдствія его не замедлятъ обнаружиться, если не принять своевременныхъ мѣръ. Къ числу послѣднихъ, безъ сомнѣнія, нужно отнести устройство частыхъ капитальныхъ запрудъ по балкамъ и лѣсоразведеніе. Во всякомъ случаѣ, то и другое улучшитъ положеніе арендаторовъ и увеличитъ въ концѣ концовъ доходность земли.

Съ западной стороны земля Удѣльнаго вѣдомства окружена кряжемъ горъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «Ставропольское поднятіе» или «Ставропольскія» горы. Начинаются онѣ на югѣ самой высокой здѣсь горою Стрыжаментомъ, достигающею почти 2700 ф. н. у. м. Стоя на вершинѣ ея у южнаго отвѣснаго края, можно видѣть такой большой ландшафтъ, который обнимаетъ пространство въ 2—3 тысячи квадр. верстъ по долинѣ Кубани. Самая рѣчка кажется узкой лентой, выходящей изъ Баталпашинскаго ущелья съ юга передъ горой Стрыжаментъ и отсюда поворачивающей на западъ. Расположенныя по ней казачьи станицы: Невиномысская, Суворовская, Николаевская и др., отстоящія другъ отъ друга на 15—20 верстъ, видны, какъ на ладони, въ видѣ небольшихъ точекъ на зеленомъ фонѣ. Поѣздъ желѣзной дороги, движущійся съ наибольшею скоростью, кажется едва перемѣщающейся точкой, слѣдить за движеніемъ которой становится скучнымъ и не интереснымъ, какъ слѣдить за медленно ползающимъ по землѣ маленькимъ насѣкомымъ. Кромѣ вида съ этой горы на юго-западѣ, весьма эффектный видъ открывается также и на юго-востокъ по направленію къ Тереку. По нашему мнѣнію, это одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ, находящихся невдалекѣ отъ Ставрополя, и нельзя не удивляться, что интеллигенція послѣдняго мало посѣщаетъ эту гору въ лѣтнее время. Поѣздка туда изъ Ставрополя не можетъ причинить особенныхъ неудобствъ, потому что на горѣ есть довольно большой поселокъ „Темнолѣсскій", въ которомъ можно имѣть квартиру и съѣстные припасы.

Относительно этого поселка нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ. Коренные жители его въ количествѣ 40 семействъ, какъ мужчины, такъ и женщины, отличаются крупнымъ ростомъ, что сразу бросается въ глаза, при проѣздѣ по улицамъ между чистенькими небольшими домиками съ огородами и садами. Какъ оказывается, еще не такъ давно этотъ поселокъ, по приказанію Кубанскаго начальства, населенъ казаками ближайшихъ станицъ. Прежде здѣсь былъ казачій пикетъ, помѣщавшійся въ до-

вольно хорошей крѣпости, построенной еще во времена Екатерины II. По замиреніи Кавказа, крѣпость упразднили и населили поселокъ. А для перваго обзаведенія жителей, позволено было послѣднимъ разобрать камни и дерево крѣпости по очень дешевой цѣнѣ на постройку церкви и частныхъ домовъ. Конечно, всѣ внутреннія, болѣе цѣнныя постройки крѣпости скоро были разобраны, но стѣны долгое время оставались малоповрежденными и только въ послѣдній десятокъ лѣтъ, когда и въ этотъ безпріютный уголъ стали появляться иногородніе, принялись разбирать камни стѣнъ. Впрочемъ, въ послѣдніе три года управленіе Кубанской Области строго предписало не трогать остатковъ прежнихъ укрѣпленій. Поэтому оставшіяся стѣны отъ крѣпости нынѣ служатъ мѣстомъ углепала для нѣкоторыхъ угольщиковъ изъ мѣстныхъ жителей.

Суровая природа мѣстности, отличающейся постоянными дождями и холодомъ, кладетъ такой же суровый отпечатокъ на жителей. Между послѣдними, не смотря на отсутствіе бѣдныхъ и бездомныхъ, незамѣтно того оживленія и энергіи, какими отличаются жители ближайшихъ селъ и станицъ. Мнѣ пришлось быть въ поселкѣ Темнолѣсскомъ въ воскресный день, 18 іюня. Утро и день были настолько холодные и пасмурные, что всѣ жители одѣты были въ шубахъ. Послѣ церковной службы почти вся деревня собралась на одной улицѣ, но странно было смотрѣть на эту толпу малоподвижной молодежи, стоявшей у бакалейной лавки. Даже кучки стариковъ, собравшихся невдалекѣ у дверей кабака, не высказывали оживленія, будучи подогрѣты рюмочкой. На мой вопросъ къ плотной, здоровой хозяйкѣ заѣзжаго двора, часто ли у нихъ бываетъ лѣтомъ такая непривѣтливо-холодная погода, мнѣ отвѣчали, что здѣсь постоянно такъ: „если не дождь и туманъ, то сильный вѣтеръ, изъ шубы рѣдко когда приходится вылазить“. Но, не смотря на такія условія жизни, поселокъ все больше и больше населяется пришлымъ людомъ. Иногороднихъ здѣсь уже около 160 дворовъ. А такъ какъ коренные жители получили съ 1888 года большой надѣлъ земли, именно по 27 десятинъ на душу, то за невозможностью самимъ обрабатывать ее, отдаютъ въ наемъ землю иногороднимъ по 3—4 руб. за десятину. Кромѣ того, иногородніе платятъ за выпасъ скота по 1 руб. за голову, а также нѣсколько копѣекъ за дворовыя мѣста въ селѣ. Въ общемъ жизнь дешева. Относительно же почвенныхъ условій нужно замѣтить, что мѣстность не мо-

жетъ считаться особенно удобною для земледѣлія. Во многихъ мѣстахъ на дневную поверхность выступаетъ каменистая почва, въ другихъ преобладаютъ пески, а внизу по спускамъ съ горы къ востоку и сѣверу—тяжелая глина. Владѣніе поселка землею подъ хлѣбопашество и сѣнокосъ, а также лѣсомъ, отдача всего этого въ аренду производится на общинныхъ началахъ при ежегодномъ передѣлѣ общественной земли и угодій по числу семейныхъ мужчинъ. Это общій порядокъ экономическаго строя, господствующій не только въ станицахъ Кубанской Области, но и повсюду почти въ предѣлахъ Ставропольской губерніи, какъ и въ другихъ губерніяхъ Россіи. Но заговоривъ о немъ, нелья пройти молчаніемъ другаго явленія деревенской жизни, свойственнаго всей Россіи и Кавказу. Это условія общиннаго хозяйства, въ смыслѣ расходованія суммъ общественнаго сундука. Для бѣдныхъ сельскихъ обществъ Россіи это обстоятельство не можетъ имѣть такого рѣзко бьющаго въ глаза значенія, какое оно имѣетъ для большинства обществъ Кавказа. Эти послѣднія, въ особенности въ предѣлахъ той части Ставропольской губерніи, какую мнѣ пришлось посѣтить, отличаются многоземельностью. Пятнадцать, двадцать и, нерѣдко, тридцать десятинъ на душу—такимъ надѣломъ владѣютъ многія села на Кавказѣ. При этомъ жители, конечно, не въ состояніи бываютъ сами управиться со всею землею и отдаютъ излишекъ въ аренду иногороднимъ, получая, подобно поселку Темнолѣсскому, значительныя суммы. Такъ, напр., въ селѣ Султановскомъ общество отдаетъ въ долгосрочную аренду одному лицу около двухъ тысячъ десятинъ своей земли, получая по 6 тыс. рублей въ годъ. Кромѣ того, почти столько же земли этого общества роздано въ наемъ по частямъ. Спрашивается теперь: куда дѣваются эти общественныя деньги? Кто ими хозяйничаетъ? Почему рядомъ съ этимъ въ томъ же селѣ общественное кладбище разгорожено? Почему общество не устроитъ себѣ водопровода, а въ иные жаркіе годы томится безъ воды, имѣя въ 2—3 верстахъ прекрасные родники, которые засариваются и затаптываются скотомъ, въ то время какъ для устройства отъ нихъ водопровода достаточно 4—5 тысячъ рублей? Много подобныхъ вопросовъ можно задать для каждаго села, но отвѣтъ получится одинъ: потому, что въ селѣ нѣтъ хорошихъ, умныхъ и честныхъ руководителей,—потому, словомъ, что во всѣхъ селахъ Россіи существуютъ такіе порядки, въ которыхъ господствуетъ безконтрольная отчетность. Впрочемъ, это

общій недостатокъ не только селъ, но и городовъ Россіи, слѣдовательно, можно не распространяться объ этомъ.

Останавливаюсь на нѣкоторыхъ особенностяхъ, характеризующихъ въ томъ или иномъ отношеніи описываемую мѣстность.

Въ селѣ Татарскомъ, находящемся въ 12 верстахъ отъ Ставрополя, въ воскресный день, вечеромъ, на „улицу" собралась толпа молодежи, между которою преобладали взрослыя дѣвушки, разодѣтыя по городскому: въ яркоцвѣтныхъ ситцевыхъ кофточкахъ и юбкахъ и въ новенькихъ росписныхъ платкахъ на головахъ. Плавные, но однообразные танцы въ хороводахъ часто смѣнялись болѣе веселыми и быстрыми танцами въ одиночку и попарно подъ энергичное наигрываніе гармонійки.

Смотря на гульбище, вы сразу невольно отмѣчаете несоотвѣтствіе между количествомъ и возрастомъ мужскаго и женскаго элемента въ немъ. Въ то время, какъ парней мало и почти всѣ они очень юны, многіе въ возрастѣ 12—14 лѣтъ,—дѣвицъ и много, и большинство ихъ въ возрастѣ двадцати лѣтъ и болѣе. Вотъ почему тѣ и другіе на „улицѣ" и даже въ хороводѣ держатся больше особнякомъ. Кавалеры ведутъ себя крайне не смѣло, дѣвицы же, видимо, пренебрегаютъ большинствомъ изъ нихъ.

— Почему это у васъ, спросилъ я стариковъ села, такъ много взрослыхъ невѣстъ и такъ мало жениховъ?

— Времена у насъ пошли трудныя, отвѣтили мнѣ; земли мало, достатокъ небольшой. Взрослые парни или къ призыву пошли, или на заработкахъ—въ батракахъ. А дѣвки зимой служатъ въ городѣ, на лѣто же приходятъ домой, да вотъ теперь и отплясываютъ". Мой подводчикъ, непривыкшій къ подобнаго рода „улицамъ", произнесъ: „Да, такой дѣвкѣ можно плясать: она вся въ смыслу. Какъ пойдетъ, такъ земля гудетъ! А вонъ у насъ въ Султанѣ не успѣетъ дѣвченкѣ минуть 15 лѣтъ, какъ ее и замужъ. Тамъ на нихъ дюжій спросъ".

Такимъ образомъ, въ двухъ селахъ, отстоящихъ другъ отъ друга всего на 70 верстъ, существуютъ разныя семейно-бытовыя положенія, зависящія исключительно отъ различныхъ экономическихъ условій жизни этихъ селъ. Въ то время, какъ село Султановское принадлежитъ къ богатымъ, владѣя лишней землею, въ Татарскомъ, наоборотъ, недостаетъ на село около 2 т. десятинъ земли, сравнительно съ тѣмъ, что получила при общемъ размежеваніи земель ихъ метрополія—село Надеждинское, по отношенію къ которому село Татарское составляло еще въ 1861 году хуторъ. Вотъ почему моло-

дое поколѣніе въ Татарскомъ избѣгаетъ женитьбы, не имѣя возможности дать обезпеченіе семьѣ землею. Какъ отнестись къ этому послѣднему явленію: радоваться ли такой осторожности крестьянина, или быть можетъ, горевать? Вѣдь женскій элементъ деревни остается вслѣдствіе этого не у дѣлъ!

Пока я разсуждалъ на эту тему, стало смеркаться. „Улица" разошлась, но чрезъ часъ послѣ того, какъ совсѣмъ стемнѣло, снова раздался свистъ и гикъ парубковъ, звуки гармонійки, а затѣмъ пѣсни дѣвокъ; а еще чрезъ полчаса противъ моей квартиры снова „улица" была въ полномъ сборѣ, но только въ болѣе возбужденномъ и дѣятельномъ состояніи, чѣмъ днемъ. Теперь дѣйствительно земля гудѣла отъ трепака, который, вѣроятно, продолжался долго за полночь; но, изнуренный дорогой, я скоро крѣпко уснулъ.

На другой день рано утромъ при сильномъ холодномъ и сыромъ вѣтрѣ мы поднимались на Ставропольское плоскогорье, состояніе котораго нисколько не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я впервые взъѣзжалъ на него въ 1867 г., немного западнѣе, со стороны станицы Рождественки. Какъ тогда, такъ и теперь старые густые лѣса покрывали верховья многочисленныхъ балокъ, понижавшихся постепенно къ востоку. Все тотъ же прекрасный видъ открывался на горы, расположенныя къ югу и заканчивавшіяся въ синевѣ горизонта снѣжноаблечными конусами Эльборуса. Очевидно, природа окрестностей Ставрополя не измѣнилась за это время, какъ не измѣнится еще черезъ сто—двѣсти и тысячу лѣтъ. Да и не только окрестности, и самъ городъ за 20 лѣтъ не претерпѣлъ существенныхъ перемѣнъ въ своей внѣшности. Если въ возвышенной части города, на Воробьевкѣ, прибавились три—четыре большихъ зданія, то въ низменной, старой части все осталось въ прежнемъ видѣ. Видимо, городъ не растетъ, а напротивъ—падаетъ въ своемъ развитіи, потому что онъ стоитъ внѣ линіи желѣзной дороги. При проѣздѣ теперь чрезъ Ставрополь, вы не видите даже того оживленія, какое было здѣсь прежде. Улицы пустыя. На прекрасномъ, тѣнистомъ бульварѣ, протянувшемся версты на двѣ, не встрѣтишь десятка гуляющихъ въ 7 часовъ вечера въ праздничный день. Только въ „рощѣ" или въ „Воронцовскомъ саду" есть публика, среди которой семинаристы играютъ, какъ и въ прежнее время, не послѣднюю роль. Торговля въ полномъ застоѣ, что видно изъ того, что каменныя ступеньки когда-то богатыхъ магазиновъ и лавокъ густо поросли своеобразной флорою, прозябаніе которой, вѣроятно, служитъ утѣше-

ніемъ торговцу при отсутствіи покупателей. Мѣстные старожилы не безъ ироніи говорятъ, что если торговцы и не закрываютъ давно своихъ лавокъ, то только потому, что большинство ихъ принадлежитъ къ армянамъ, которые дорожатъ званіемъ купца болѣе, чѣмъ всякая другая народность Россіи. Но если съ внѣшней стороны состояніе Ставрополя не улучшилось, то со стороны внутренней, такъ сказать, интеллектуальной нельзя не отмѣтить въ немъ нѣкоторыхъ отрадныхъ явленій, свидѣтельствующихъ о поднятіи уровня культуры его жителей. Послѣ болѣе подробнаго знакомства съ нѣкоторыми учрежденіями города, имѣющими характеръ общественный, нельзя пройти молчаніемъ положенія въ городѣ вопроса о народномъ образованіи города и о его благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Относительно дѣлъ благотворительности достаточно остановиться подробнѣе на братствѣ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра. Цѣль этого братства—доставленіе средствъ къ улучшенію нравственнаго и матеріальнаго состоянія бѣдныхъ всѣхъ классовъ города. Для достиженія воей цѣли братство, возникшее всего въ апрѣлѣ 1888 г., къ концу своего года успѣло открыть *беплатную столовую*. Такой столовой, сколько намъ извѣстно, нѣтъ нигдѣ въ Россіи, хотя во многихъ городахъ есть *дешевыя столовыя* и удешевленные обѣды и проч. Столовая Братства долгое время помѣщалась въ Соборной колокольнѣ и доставляла возможность пользоваться безплатно обѣдомъ ежедневно 200 лицамъ обоего пола. Содержалась она, главнымъ образомъ, на счетъ поминокъ, которыя устраиваются, обыкновенно, всякимъ православнымъ въ день похоронъ усопшихъ родныхъ, т. е., вмѣсто того, чтобы вамъ, напр., самимъ учреждать поминки по покойникѣ на дому, вы даете деньги Братству, и оно въ назначенный вами день дѣлаетъ въ своей столовой обѣдъ на данныя средства и согласно вашему желанію. Мысль о такихъ поминальныхъ обѣдахъ до того привилась въ городѣ, что теперь въ Ставрополѣ никто не устраиваетъ даже традиціонныхъ общественныхъ поминокъ въ понедѣльникъ и вторникъ Ѳоминой недѣли. Кто не знаетъ, какъ нераціонально, чтобы не сказать болѣе, совершаются поминки въ эти дни на Руси. Въ Ставрополѣ жители, вмѣсто того, чтобы нести съѣстное на кладбище, несутъ его въ безплатную столовую, гдѣ неимущая братія удовлетворяется нанесенными припасами въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Результаты учрежденія безплатной столовой оказались поразительными въ нравственномъ отношеніи для городскаго населенія нищей братіи. Пьянство между нею въ первый годъ послѣ

открытія столовой значительно уменьшилось, количество преступленій, по заявленію мировыхъ судей, сократилось болѣе чѣмъ на половину. Оно и понятно: накормите бѣднаго человѣка прежде всего, и онъ станетъ добрѣе и честнѣе. Но братство не только кормитъ ежедневно, оно и согрѣваетъ и заботится о доставленіи работы своимъ кліентамъ. У него есть домъ „денное помѣщеніе для бездомныхъ“, въ которомъ всякій можетъ проводить день безплатно; у него есть еще „убѣжище для безпріютныхъ дѣтей“; у него есть „домъ для безпомощныхъ“. Цѣлые десятки лицъ всѣхъ возрастовъ находятъ себѣ пріютъ у Братства. Кромѣ того, Братство имѣло въ первые годы свой огородъ для посѣва продуктовъ, необходимыхъ для столовой. Работа на огородѣ производилась тѣми-же нищими за небольшую плату, которая, при досмотрѣ членовъ Братства, не пропивалась нищими, а шла на пріобрѣтеніе одежды и обуви каждаго работника. Такимъ образомъ, хорошо организованное учрежденіе, во главѣ котораго, къ счастію, стоятъ такіе рѣдкіе по энергіи и распорядительности люди, какъ Г. Н. Прозрателевъ, фактически осуществляетъ въ Ставрополѣ то, о чемъ хлопочутъ по всей Россіи поборники „Дома Трудолюбія“, что рѣдко гдѣ привилось, за отсутствіемъ энергичныхъ руководителей.

Что касается дѣла просвѣщенія, то и въ этомъ отношеніи оно въ Ставрополѣ поставлено болѣе удовлетворительно, чѣмъ въ другихъ губернскихъ городахъ. Кромѣ единственной, кажется, во всей Россіи гимназіи, въ которой преподаются и классическіе языки, и всѣ предметы реальнаго курса, въ Ставрополѣ есть двѣ полныхъ женскихъ гимназіи, Духовная Семинарія и Епархіальное женское училище, духовное мужское училище, юнкерское, ремесленное, городское 4-хъ классное училище и нѣсколько начальныхъ народныхъ школъ, между которыми двѣ школы Братства. Въ десяти изъ народныхъ школъ съ ноября 1890 года открыты воскресныя школы, содержащія до 40 душъ каждая посѣтителей всѣхъ возрастовъ. Впрочемъ, дѣло народнаго образованія поставлено хорошо не только въ Ставрополѣ, но и во всѣхъ селахъ этой губерніи. Нѣтъ села, въ которомъ бы уже болѣе 20 лѣтъ не было прекрасной школы, вполнѣ обезпечивающей своихъ учителей и учительницъ; кромѣ того, въ послѣднее время въ каждомъ селѣ открыты еще церковно-приходскія школы, которыя существуютъ и работаютъ не на бумагѣ только, какъ значится въ отчетахъ большинства другихъ губерній, а на самомъ дѣлѣ. Прочная постановка дѣла въ церковно-приходскихъ шко-

лахъ, равно какъ и въ министерскихъ, объясняется здѣсь тѣмъ, что какъ села, такъ и духовенства Ставропольской губерніи отличаются зажиточностью; поэтому, какъ первыя, такъ и второе, при нѣкоторомъ давленіи со стороны властей, устраивая школы, обставляютъ ихъ возможно лучшимъ образомъ. Вездѣ въ селахъ зданія министерскихъ школъ построены по плану Барона Корфа, школы обставлены библіотекою и пособіями. Содержаніе учителей въ нихъ не ниже 240 рублей въ годъ, многіе же изъ учителей получаютъ 300 и 350 рублей, а нѣкоторые даже 450 и 500 руб. Церковно-приходскія школы нѣсколько проще устроены, но нигдѣ содержаніе учителямъ не даютъ меньше 200 рублей; большинство же и здѣсь получаетъ 300 рублей. Замѣчательно, что народное образованіе въ томъ и другомъ вѣдомствѣ въ большинствѣ случаевъ находится въ рукахъ учительницъ, которыя здѣсь издавна, еще со времени гуманнѣйшаго директора народныхъ училищъ г. Грушевскаго, пользуются вполнѣ заслуженною репутаціей и часто приглашаются къ занятію должностей предпочтительнѣе предъ мужчинами.

Но я уклонился въ сторону; возвращаюсь къ разсказу о поѣздкѣ.

Пробывъ въ Ставрополѣ болѣе четырехъ дней и посѣтивъ „Рыбное озеро“ и село Пелагеаду, какъ мѣста наиболѣе низкія (до 600 ф. н. у. м.) на западъ и востокъ по отношенію къ Ставропольскому плоскогорью, я чрезъ с. Марьевское, Бешпагиръ и Сергіевское снова возвратился въ Султановское. На этомъ пути нѣкоторый интересъ представляетъ мѣстность села Бешпагиръ, по своимъ сыпучимъ пескамъ, происхожденіе которыхъ обязано невѣжеству и небрежности жителей названнаго села. Дѣло въ томъ, что вершина горы, у которой расположено село, прикрывалась прежде неглубокимъ слоемъ чернозема, густо заросшаго травою. Такъ было до того времени, когда впервые засѣлялась мѣстность (это было въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія). Подъ черноземомъ залегалъ небольшой слой камня, известняка, годнаго на постройку, а подъ известнякомъ находится мощный (въ нѣсколько десятковъ аршинъ) слой песку. Мѣстные жители, расположившись уютно по склону горы, мало по малу выбрали на свои нужды камень и обнажили лежащій подъ нимъ песокъ. Скотъ, уничтожавшій растительность каждый годъ, препятствовалъ заростанію его, и песокъ, взрываемый сѣверо-восточными вѣтрами, сталъ спускаться въ село и прикрывать на своемъ пути все, что попадалось. Сначала засыпаны были имъ источники и колодцы, потомъ дворы

и сады, а наконецъ и жилыя постройки. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ занесено около 50 дворовъ. Владѣльцамъ ихъ пришлось переселиться въ другое мѣсто села. Вначалѣ никто не обращалъ вниманія на это явленіе; потомъ, когда увидѣли, что пески грозятъ засыпать центръ села съ церковью, школою и кабакомъ, крестьяне всполошились; дали знать по начальству. Присланы были лѣсничій и землемѣръ, пріѣзжалъ не разъ приставъ, былъ даже начальникъ губерніи, изобрѣтали различныя средства, предпринимали мѣры; но несомнѣнно одно, что теперь уже весьма трудно остановить наступательное движеніе песковъ—слишкомъ запустили процессъ, поздно взялись за его исправленіе. Такихъ селъ, какъ Бешпагиръ, въ Ставропольской губерніи не одно. Тоже случилось и въ селѣ Петровскомъ, тоже случится, надо думать, и въ селѣ Султановскомъ, гдѣ мѣстныя почвенно-геологическія условія, повидимому, аналогичны Бешпагиру. Въ селѣ Султановскомъ, существующемъ всего третій десятокъ лѣтъ, процессъ образованія сыпучихъ песковъ находится только, такъ сказать, въ зародышѣ. Теперь, слѣдовательно, дальнѣйшее развитіе его можно легко парализовать, если прекратить ломку камня и выпасъ скота на вершинѣ г. Брыковой. Но кто будетъ заботиться о томъ, чтобы разъяснить мѣстнымъ крестьянамъ необходимость оставить гору нетронутой? Кто во время сдѣлаетъ распоряженіе объ этомъ?

ГЛАВА IV.

Кавказскія минеральныя воды.

Видъ на снѣговую линію и Эльборусъ. Ессентуки. Природа Кисловодска. Нарзанъ. Желѣзноводскъ и Пятигорскъ, какъ лечебныя группы.

Поздно вечеромъ поѣздъ доставилъ насъ на станцію „Минеральныя воды". Отсюда можно ѣхать въ Пятигорскъ, Желѣзноводскъ и другіе пункты Кавказскихъ водъ разными способами: въ почтовомъ дилижансѣ перваго или втораго класса, или въ экипажѣ и на дрогахъ вольныхъ извозчиковъ, которыхъ здѣсь всегда очень много къ вашимъ услугамъ. Ознакомившись съ цѣнами за мѣста пассажировъ и багажъ въ почтовомъ экипажѣ и поторговавшись съ извозчикомъ, мы договорили послѣдняго за 10 рублей до Кисловодска, минуя центръ минеральныхъ водъ—Пятигорскъ. Въ путь пришлось двинуться рано утромъ до восхода солнца. Въ воздухѣ было тихо и настолько свѣжо, что, не смотря на конецъ іюня, оказались недостаточными пальто и плэдъ,—пришлось ноги закутать одѣяломъ. Въ

помѣстительномъ фаэтонѣ, запряженномъ тройкой невзрачныхъ на видъ, но дружныхъ въ работѣ лошадей, чувствовалось уютно и хорошо. Предъ глазами разстилалась прекрасная картина первыхъ предгорій Кавказа; съ правой стороны, повидимому, очень близко, на совершенно ровномъ мѣстѣ, стояла высокая, коническая гора до 2 т. ф. надъ степью, покрытая зеленымъ ковромъ изъ травы и кустарниковъ. За нею вдали виднѣлся сплошной лѣсъ, постепенно поднимавшійся и покрывавшій другую гору, еще большихъ размѣровъ, но неясныхъ очертаній. Съ лѣвой стороны тянулась возвышенность, на которую, повидимому, намъ предстояло взобраться или объѣхать, смотря по тому, куда должна была направиться наша дорога. Вскорѣ верхушки горъ освѣтились лучами восходящаго солнца, и далеко впереди насъ въ долинѣ, по которой мы теперь ѣхали, показался туманъ, который, поднимаясь все выше по кряжу возвышенности, принималъ видъ легкой и полупрозрачной вуали, окончательно таявшей и пропадавшей въ синевѣ неба отъ соприкосновенія съ лучами солнца.

Быстрая, но покойная ѣзда по накатанной грунтовой дорогѣ, среди роскошной зелени, прелесть ранняго утра, незнакомая городскому жителю, постоянная смѣна очертаній и освѣщеніе этихъ большихъ громадъ, декоративно разставленныхъ невѣдомою рукою на пространствѣ 15—20 верстъ, въ количествѣ двѣнадцати, отдѣльныхъ горъ *)—все это возбуждало и приводило насъ въ какое-то особенное восторженное состояніе. По мѣрѣ приближенія къ горамъ, въ особенности къ высочайшей и красивѣйшей изъ нихъ Бештау, трудно было оторвать взоръ отъ нихъ; не менѣе трудно было отдѣлаться отъ того роя мыслей, которыя возникали въ головѣ и неотвязно преслѣдовали меня: „Сколько, думалось, мощи? Сколько хранится богатства въ этихъ великанахъ! Что пережили? чему были свидѣтелями они на своемъ длинномъ вѣку? Еще недавно, какихъ нибудь 60—70 лѣтъ назадъ, у подножія ихъ черкесы или кабардинцы, быть можетъ, дѣлали засаду русскимъ, которые, неуспѣвъ выйдти изъ-за противуположной стороны горы, осыпались градомъ пуль... раздавался новый залпъ выстрѣловъ, падали десятки храбрыхъ предковъ нашего ямщика, завязывался рукопашный бой; черезъ 10—15 минутъ черкесы съ гикомъ разсыпа-

*) Приводимъ здѣсь высоту нѣкоторыхъ изъ нихъ: Бештау 4594 ф. надъ уровнемъ моря, Машуха—3258 ф., Змѣиная—3254 ф., Развалка—3041 ф., Желѣзная—2818 ф., Верблюдъ—2907 ф., Быкъ—2619 ф., Лысая—2418 ф., Шелудивая—2868 ф., Кабанъ—2514 ф.

лись въ разныя стороны, и горы печально смотрѣли на результаты этой кровавой сцены. Больше не видать вамъ, могучіе богатыри, подобныхъ сценъ! Теперь мимо васъ изо-дня въ день проѣзжаютъ сотни экипажей съ людьми, у которыхъ въ душѣ полный миръ и тайная надежда, что недугъ, который заставилъ пріѣхать взглянуть на васъ, долженъ пройти въ вашей странѣ, странѣ чудесъ и исцѣленія....

По мѣрѣ того, какъ путникъ пристальнѣе всматривается въ очертаніе горъ, больше различаетъ ихъ детали и яснѣе начинаетъ представлять громадность ихъ размѣровъ, сердце его не можетъ не чувствовать оживленія и отрады, недугъ забывается, уѣренность въ выздоровленіи растетъ и крѣпнетъ... Таково неотразимое вліяніе всего мощнаго и великаго на всякое существо слабое и хилое, какимъ въ данномъ случаѣ является безспорно и человѣкъ въ сравненіи съ величіемъ горъ.

Часа черезъ два экипажъ нашъ вкатилъ въ лѣсъ. Дорога теперь шла въ гору, но, не смотря на это, еще съ большей силой лошади понеслись вскачь, понукаемыя крикомъ веселаго ямщика. Чрезъ 10 минутъ мы были на возвышеніи, съ котораго шелъ слабый подъемъ по ровной, какъ шнуръ, и длинной просѣкѣ въ лѣсу.

— А взгляни впередъ,—говорю я женѣ.

— Ахъ! какая прелесть! Что это такое?

Сразу трудно было оріентироваться и разобраться въ томъ, что видѣлось въ концѣ просѣки. Казалось, что тамъ стояли близко одна отъ другой гигантскихъ размѣровъ сахарныя головы, которыя, будучи освѣщены лучами утренняго солнца, казались такими яркими и фантастически чудными, что безраздѣльно завоевывали вниманіе путника. То былъ величественный Эльборусъ, краса Кавказа. Не смотря на то, что онъ отстоялъ отъ насъ болѣе чѣмъ на девяносто верстъ, разстояніе скрадывалось панарамой нашей дороги, и гора казалась намъ всего въ 10—15 верстахъ какъ бы сейчасъ за просѣкой. Но по мѣрѣ приближенія къ концу послѣдней, разстояніе это увеличивалось, Эльборусъ обрисовывался отчетливѣе и рѣзче на горизонтѣ, и въ то же время становился еще привлекательнѣе, лучше и сильнѣе манилъ къ себѣ. Вскорѣ экипажъ свернулъ съ Пятигорской дороги вправо, и мы выѣхали на открытое мѣсто, съ котораго ясно видна была снѣговая линія горъ; а въ центрѣ ея красовался двуглавый царь Кавказа.

„Берегись! — сказалъ Казбеку сѣдовласый Шатъ,
„Покорился человѣку ты не даромъ, братъ..

Припомнялись невольно стихи Лермонтова и воскресили

въ нашей памяти другія произведенія этого лучшаго поэта Кавказа. Трудно выразить то, что испытываешь, осматривая вдругъ открывшуюся взору мѣстность, изрѣзанную горными рѣчками, сильно неровную, возвышающуюся и поднимающуюся все выше и дальше и, наконецъ, заканчивающуюся снѣжно-облачною зубчатою линіею, освѣщеніе которой, по временамъ, бываетъ, какъ и теперь было, настолько эффектно и восхитительно, что не поддавалось никакому описанію или изображенію. Видѣть Эльборусъ при такомъ раннемъ утреннемъ освѣщеніи и не восторгаться нельзя; и чѣмъ ближе, конечно, находишься къ нему при этомъ, тѣмъ эффектнѣе и неотразимѣе вліяніе его на созерцающаго. Вотъ почему рѣдкій изъ посѣтителей минеральныхъ водъ отказываетъ себѣ въ поѣздкѣ и восхожденіи на ближайшія вершины, каковы: Бештау, Джиналъ, Бермамутъ, Кинжалъ и др., съ тѣмъ, чтобы, не смотря на трудность подъема, а иногда и рискъ для здоровья, получить съ высоты и вблизи то наслажденіе, которое въ состояніи доставить только эта величественная картина природы.

Въ 9 часовъ мы были въ Ессентукахъ, гдѣ извощикъ рѣшилъ дать отдыхъ лошадямъ, а мы, наскоро подкрѣпившись чаемъ, поспѣшили въ паркъ—взглянуть на «водяную» публику и испить на мѣстѣ спасительнаго «№ 17». Ессентукскій паркъ есть единственное мѣсто въ знойныхъ вообще лѣтомъ Ессентукахъ, удобное для время препровожденія на этой самой скучной, но зато и самой цѣлебной, быть можетъ, группѣ минеральныхъ водъ. Обыкновеннѣйшими посѣтителями этой группы и, слѣдовательно, постоянными обитателями парка являются тучные и солидные господа—группа эта называется „генеральской",—кому пришлось въ теченіе своей, быть можетъ, не вполнѣ скромной и воздержной жизни, нагулять лишнихъ 3—4 пуда жира, или же получить катарръ желудка. Первые, обыкновенно, пріѣзжаютъ сюда затѣмъ, чтобы ежедневно пить по 5—10 и болѣе стакановъ воды № 17, растворяющей жиры и заставляющей обладателей ихъ потерять до полпуда и даже до пуда своего вѣса; а вторые пьютъ эту воду глотками по $^1/_4$—$^1/_2$ стакана въ день съ молокомъ и цѣльную, и, наоборотъ, пріобрѣтаютъ нѣсколько фунтовъ въ вѣсѣ и теряютъ свой катарръ. Разгаръ сезона здѣсь іюнь мѣсяцъ; а въ половинѣ іюля въ Ессентукахъ, обыкновенно, никого уже не бываетъ изъ больныхъ, потому что наступающія къ этому времени жары заставляютъ всѣхъ бѣжать въ Кисловодскъ, или Желѣзноводскъ. Жизнь въ Ессентукахъ дешевле, чѣмъ на другихъ груп-

пахъ: за 15—20 рублей можно имѣть въ мѣсяцъ квартиру довольно удобную и не слишкомъ удаленную отъ центра. Столъ стоитъ не дороже, какъ и на другихъ группахъ, т. е., 15—20 рублей.

Отъ Ессентуковъ до Кисловодска дорога идетъ по р. Подкумку, представляя весьма живописный видъ, среди высокихъ и крутыхъ известковыхъ береговъ и по весьма извилистому теченію рѣчки, густо заросшей зеленью деревьевъ и кустарниковъ. Во многихъ мѣстахъ шоссе *) проложено надъ обрывами самой рѣчки; въ другихъ оно подходитъ къ скалистымъ уступамъ крутаго берега ея, или спускается къ руслу до двухъ аршинъ разстоянія отъ воды, быстро и съ шумомъ несущейся по камышамъ, или корневымъ сплетеніямъ деревьевъ. При переѣздѣ чрезъ Подкумокъ въ 6 верстахъ отъ Кисловодска нельзя не обратить вниманія на весьма характерный видъ трехъ горныхъ террасъ, или уступовъ, симметрично расположенныхъ по обоимъ берегамъ рѣчки. Съ точки зрѣнія геолога, это одно изъ лучшихъ мѣстъ, пригодныхъ для демонстраціи при выясненіи образованія подобнаго рода явленій въ природѣ. Въ ботаническомъ отношеніи мѣстность характерна тѣмъ, что на небольшомъ сравнительно разстояніи рѣзко бросается въ глаза особенность флоры, солнечныхъ припековъ, мѣстъ затѣненныхъ и русла рѣчки, коегдѣ образующихъ мочежинники. Въ то время, какъ первые, т. е. обращаемые къ солнцу склоны, совершенно обнажены отъ растительности, для которой трудно выдержать страшную сухость известковой почвы, вторыя содержатъ прекрасную густую траву, или по сѣвернымъ склонамъ балокъ сочную лѣсную поросль, содержащую богатую своеобразную флору и, наконецъ, послѣднее—русло рѣки—есть поемный лугъ, на которомъ, помимо древесныхъ формъ, попадаются участки съ богатой и весьма разнообразной травой.

Въ два часа дня мы въѣзжали въ Кисловодскъ, къ которому въ тоже время со стороны Эльборуса неслись темныя дождевыя тучи, грозившія разразиться ливнемъ. Дожди въ окрестностяхъ Кисловодска—явленіе почти ежедневное съ начала весны до іюля. По утрамъ лѣтомъ здѣсь довольно свѣжо; термометръ показываетъ часто всего 5 6° *R.* тепла. Къ полудню воздухъ нагрѣвается до 17—20° *R.* (и даже 25—27° въ концѣ іюля), а къ двумъ часамъ непремѣнно пойдетъ дождь. Черезъ два—три часа дождь прекращается, небо проясняется, влага быстро стекаетъ по твердому кремневому грунту въ балки, и все

*) Съ лечебнаго сезона 1893 г. здѣсь открывается движеніе по желѣзнодорожному пути.

приходитъ въ то же состояніе, какъ и за часъ предъ дождемъ, не причиняя вамъ особенныхъ неудобствъ и стѣсненій. Причина постоянныхъ дождей—близость Кисловодска къ Эльборусу. Дѣло въ томъ, что, если въ горахъ преобладаютъ даже слабые юго-западные вѣтры, то пары, охладившись на снѣговой линіи, собираются въ тучи и разражаются дождемъ сначала въ предѣлахъ Эльборуса, а потомъ относятся на 30—40 верстъ къ сѣверу отъ него. При сильныхъ и продолжительныхъ югозападныхъ вѣтрахъ дожди въ Кисловодскѣ становятся болѣе продолжительными, по два—три дня безъ перерыва. Особенно легко наблюдать образованіе частыхъ здѣсь полуденныхъ дождей, находясь на ближайшихъ высотахъ близъ Кисловодска: на Пикетѣ, или на такъ называемыхъ „зеленыхъ горахъ". Въ началѣ лѣта очень часто по утрамъ снѣговая линія и Эльборусъ бываютъ совершенно открыты. Затѣмъ въ 8—9 час. незначительныя облачныя пятна начинаютъ взвиваться вокругъ Эльборуса; онѣ быстро увеличиваются, сгущаются, закрываютъ всю гору, а къ 12 час. и къ часу вы видите, что тамъ, въ области вѣчнаго снѣга, идетъ дождь, который постепенно распространяется въ стороны и скоро достигаетъ предѣловъ Кисловодска и др. предгорій. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, ближайшихъ къ Эльборусу, какъ напр. аулѣ Хассаутѣ, Карачаѣ, рѣдкій день въ извѣстный часъ до іюля обходится безъ дождя. Начиная же съ половины іюля, въ августѣ и въ сентябрѣ Эльборусъ все чаще и чаще по цѣлымъ днямъ бываетъ открытымъ, и тогда наступаетъ самое пріятное время въ предѣлахъ горъ.

Кисловодскъ удобнымъ для лѣтняго мѣстопребыванія становится съ двадцатыхъ чиселъ іюня. Ранѣе этого ѣхать туда не слѣдуетъ тому, кто стѣсняется или боится по своему здоровью дождей. Въ концѣ іюля и въ первой половинѣ августа въ Кисловодскѣ лечебный сезонъ находится въ полномъ разгарѣ. Вообще эта мѣстность въ послѣдніе годы быстро принимаетъ характеръ городка, сильно застраивается и, при отсутствіи у русскаго человѣка наклонностей къ соблюденію санитарныхъ условій жизни, скоро сдѣлается тѣмъ для Кавказскихъ минеральныхъ водъ, чѣмъ Ялта стала въ послѣднія 5—6 лѣтъ для Крыма. Не говоря объ усиливающейся скученности построекъ въ самомъ мѣстечкѣ, прекрасныя окрестности Кисловодска, окруженнаго со всѣхъ сторонъ горами, все болѣе и болѣе принимаютъ обнаженный отъ растительности и безпріютный видъ на 4—5 верстъ въ стороны. Между тѣмъ, очень немного нужно, чтобы придать этимъ окрестностямъ видъ сплошнаго зеленаго поля съ

тысячами разнообразныхъ цвѣтовъ всѣхъ оттѣнковъ: стоитъ только мѣстнымъ жителямъ сохранить первую восточную террасу горъ отъ Крестовой до Пикета включительно отъ выпаса скота. Эта терраса возвышается надъ прекраснѣйшимъ тѣнистымъ паркомъ Кисловодска всего на полтораста—двѣсти футовъ. За нею къ востоку находится второй подъемъ горъ на 500—700 футовъ выше перваго. Это „Зеленыя горы“, названныя такъ потому, что въ ихъ изрѣзанныхъ балкахъ, обращенныхъ къ юго западу, находятся еще пока неуничтоженные кустарники лещины, ольхи, березы и азаліи, которая во время цвѣтенія въ маѣ и іюнѣ покрывается крупными оранжевыми цвѣтами съ сильнымъ душистымъ запахомъ. Посѣщеніе этихъ горъ курсовыми производится съ меньшей охотой, чѣмъ посѣщеніе горъ, ближайшихъ къ парку, вслѣдствіе отдаленности, а также и вслѣдствіе того, что почти все пространство до Зеленыхъ горъ или лишено растительности, или же мѣстами поросло бурьянами и колючками. За «Зелеными горами» слѣдуетъ третій самый высокій уступъ горъ, защищающій Кисловодскъ отъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, это Джинальскій хребетъ. Онъ начинается у Подкумка горою «Шатромъ», или «Треугольной», поднятой на 4 т. футовъ надъ уровнемъ моря, продолжается далѣе къ востоку кряжемъ, въ срединѣ котораго находится пользующаяся извѣстностью „Сѣдло-Гора“, и, возвышаясь собственно у г. Джинала до 4560 ф., доходитъ до рѣки Малки. Всѣ эти террасы горъ, начиная съ г. Надежды, состоящей изъ охристой глины, содержатъ много окаменѣлостей третичной формаціи, изъ которыхъ (окаменѣлостей) особенно интересны огромныхъ размѣровъ аммониты въ 4—5 вершковъ въ діаметрѣ и ортосератиды, губки и др. Джинальскій хребетъ, въ особенности „Сѣдло-Гора“ охотно посѣщаются верховыми кавалькадами, съ цѣлью полюбоваться съ высоты закатомъ солнца и чудною картиною на снѣговую линію и Эльборусъ. Въ растительномъ отношеніи окрестности Кисловодска характеризуются совершенно своеобразной флорой. Начиная съ высоты 3 т. футовъ до 4200 и 4500 ф., всѣ мѣста сѣнокосовъ представляютъ подъальпійскіе луга, на которыхъ въ низшихъ горизонтахъ преобладаетъ флора средней и южной Россіи, но съ примѣсью спеціальныхъ Кавказскихъ видовъ. Вершина Джинала содержитъ многихъ представителей чисто альпійскихъ луговъ Кавказа, населяющихъ вершины всѣхъ горъ Кавказа, начиная съ 6 тысячъ футовъ и восходя до 10000 ф.

Снятіе травы подъ сѣно на Джиналѣ и въ другихъ мѣс-

тахъ съ $3^1/_2$ тыс. фут. и выше начинается не ранѣе 20 и 25 числа іюля. Заготовка сѣна и его просушка крайне затруднительны въ этихъ мѣстахъ, вслѣдствіе частыхъ дождей и обильнѣйшихъ росъ, которые смачиваютъ растительность такъ сильно, что она до 10 и 11 часовъ солнечнаго дня не успѣваетъ иногда вполнѣ обсохнуть. Съ закатомъ солнца, а въ тѣнистыхъ мѣстахъ за 2 часа до заката, роса вновь становится ощутительной на этой высотѣ; такимъ образомъ, болѣе полусутокъ растительность пользуется влагой даже во время бездождья неудивительно, что травы здѣсь сочны и великорослы, также какъ и на заливныхъ лугахъ.

Что касается другихъ мѣстъ изъ окрестностей Кисловодска, то нельзя не отмѣтить того, что кромѣ горъ, не менѣе замѣчательны здѣсь глубокія балки ближайшихъ рѣчекъ: Ольговки, Березовки и Аликоновки. Берега почти всѣхъ балокъ составлены изъ отвѣсныхъ скалъ плотнаго известняка или песчаника, расположенныхъ слоями и такъ вычурно и разнообразно изрѣзанныхъ водою, вѣчно журчащею на днѣ каждой балки, что трудно отрѣшиться отъ мысли, что въ образованіи ихъ рельефа никто изъ предметовъ одушевленныхъ непринималъ никакого участія; трудно допустить, что эти берега образованы миханическокой работой воды. Вотъ почему досужая фантазія гуляющей публики надѣлила многія мѣста балокъ различнаго рода разсказами и преданіями, повторять которыя мы не считаемъ нужнымъ, но необходимо назвать мѣста, наиболѣе посѣщаемыя публикой. Первая изъ упомянутыхъ балокъ—Ольховка, протекающая по парку, въ полуверстѣ отъ послѣдняго имѣетъ небольшой водопадъ, а въ 3 верстахъ—„Скалу Лермонтова". Кромѣ того, въ западномъ ручьѣ, впадающемъ въ Ольховку, находится огромныхъ размѣровъ пещера, называемая Кабардинскою. Въ ней можетъ вмѣститься до двухъ сотъ головъ рогатаго скота. Пещера эта почему то мало извѣстна среди курсовой публики; между тѣмъ она, какъ и вся Кабардинская балка, не менѣе интересна, чѣмъ и столь любимыя публикой Березовка и Аликоновка. Въ послѣдней находятся замокъ „Коварства и Любви" и такъ называемый „водопадъ на Орѣховой балкѣ". Названіе балокъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что еще не такъ давно онѣ изобиловали древесными породами. Теперь по затѣненной сторонѣ ихъ ростутъ только кустарники да въ обиліи малина, клубника и орѣхи.

Чтобы покончить съ замѣчательными мѣстами близъ Кисловодска, необходимо упомянуть еще о двухъ: первое —«Кольцо-Гора», находящаяся въ 7 верстахъ отъ Кисло-

водска, на лѣвомъ берегу Подкумка и, по нашему, никакого интереса не представляющая; если же она пользуется извѣстностью у публики, то только потому, что это выгодно для содержателей верховыхъ лошадей; второе—вершины Бермамута, о которомъ у насъ рѣчь впереди. А чтобы покончить съ Кисловодскомъ, слѣдуетъ еще остановить вниманіе читателя на самой существенной особенности его: на водѣ его „Богатыря—Нарзана“. О Нарзанѣ писалось мною, говорится ежегодно еще больше. Цѣлебное же дѣйствіе этой углекислой воды съ небольшимъ содержаніемъ желѣза сводится къ слѣдующему: принятая внутрь и употребляемая въ видѣ ваннъ, она оказываетъ возбуждающее вліяніе на нервную систему человѣка вообще, а въ частности—на желудокъ и .сердце На первомъ свойствѣ Нарзана основано примѣненіе его въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо бываетъ возстановить здоровье больнаго, который, вслѣдствіе леченія ваннами на другихъ группахъ, въ особенности въ Пятигорскѣ и Ессентукахъ, и отчасти въ Желѣзноводскѣ, сильно ослабѣваетъ. Явившись въ Кисловодскъ, паціентъ начинаетъ принимать ванны Нарзана и почти во всѣхъ случаяхъ, когда купанье ведется подъ наблюденіемъ опытнаго врача, могучее вліяніе Нарзана чувствуется выздоравливающими послѣ 5—6 ваннъ. Оно и понятно. Если купанье во всякой рѣчкѣ освѣжаетъ и укрѣпляетъ, а купанье въ морѣ бодритъ и оздоравливаетъ, то купанье въ Нарзанѣ, возбуждая нервы, дѣлаетъ для тѣла все то, что можетъ сдѣлать рѣка и море, вмѣстѣ взятыя. Весьма многіе, не только въ моментъ купанья, но спустя долго послѣ него, испытываютъ особенное состояніе веселости и возбужденіе всего организма; такіе люди чувствуютъ потребность, по выраженію поэта,

„Сильнѣе жить, страдать и любить“.

Подъемъ энергіи и бодрости духа бываютъ настолько значительны, что является желаніе производить продолжительныя движенія и предпринимать отдаленныя прогулки. Все это ведетъ къ тому, что паціентъ втеченіе первой недѣли пребыванія въ Кисловодскѣ нерѣдко пріобрѣтаетъ увеличеніе въ своемъ вѣсѣ отъ 5 до 8 фунтовъ.

Но на нѣкоторыхъ вода Нарзана отражается вредно. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляютъ эту воду въ видѣ питья въ большомъ количествѣ и въ тоже время не считаютъ нужнымъ соблюдать діэту въ пищѣ, въ особенности не воздерживаются отъ зелени и фруктъ. Катарръ желудка или какая нибудь рѣзкая и острая желудочная болѣзнь являются результатомъ подобнаго обхожденія съ Нарзаномъ. Точно также дурно вліяетъ Нарзанъ

на людей съ слабымъ или ненормальнымъ состояніемъ сердца. Нарзанъ при употребленіи иногда оказываетъ вредное вліяніе. Продолжительныя и сильныя головныя боли, безсонницы и общее нервное разстройство являются результатомъ употребленія Нарзана внутрь, или долгаго, втеченіе 10—12 мин. пребыванія въ ваннѣ. Для сильно нервныхъ людей вообще пребываніе въ Кисловодскѣ становится положительно невозможнымъ; ихъ нервность достигаетъ высшей степени, почему такимъ паціентамъ приходится удалиться отсюда въ Желѣзноводскъ.

Мѣстность близъ Желѣзноводска не менѣе живописная и красивая, чѣмъ и близъ Кисловодска; она богата лѣсомъ, стоитъ между двухъ горъ и до половины іюля отличается чистымъ умѣренно-пріятнымъ климатомъ. Позже восточные вѣтры и жары становятся здѣсь чувствительными и безпокойными. Что касается минеральныхъ водъ Желѣзноводска, то таковыя, содержа желѣзо въ большемъ или меньшемъ количествѣ, разнообразятся еще другими солями и температурой, вслѣдствіе чего являются весьма полезными при различныхъ внутреннихъ разстройствахъ. Особенно много здѣсь лечится всякій годъ женщинъ, почему эту группу называютъ „дамскою", въ отличіе отъ Пятигорска, который именуется группой „офицерской", такъ какъ значительное большинство паціентовъ Пятигорска принадлежитъ къ штату военныхъ. Необходимо замѣтить, что Пятигорскъ есть лучшее мѣсто, гдѣ накожныя и ревматическія болѣзни излечиваются успѣшнѣе, чѣмъ въ другихъ бальнеологическихъ пунктахъ Россіи. Да и вообще Кавказскія минеральныя воды, по своему разнообразію и силѣ источниковъ, принадлежатъ къ весьма цѣлебнымъ и, если не пользуются еще должнымъ успѣхомъ, наравнѣ съ водами заграничными, то исключительно потому, что уступаютъ послѣднимъ по своему внѣшнему благоустройству, по отсутствію тѣхъ удобствъ для публики, которыя присущи заграничнымъ курортамъ. Кромѣ того, на Кавказскихъ водахъ въ самомъ худшемъ видѣ находится медицинская сторона дѣла. Всѣ, кто хотя разъ побывалъ на этихъ водахъ, въ одинъ голосъ говорятъ о высокомъ качествѣ водъ и о неудовлетворительномъ состояніи здѣсь врачебной части. Послѣднее, впрочемъ, представляетъ неизбѣжный результатъ естественнаго порядка вещей. Не имѣя постоянной осѣдлости и разсчитывая на случайную публику, большинство практикующихъ врачей не дорожитъ мнѣніемъ послѣдней и потому не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы на ея счетъ увеличить свой временный заработокъ.

ГЛАВА V.

Поѣздка въ горы по направленію къ Эльборусу. Ночлегъ въ пещерѣ. Горная толока. Бермамутъ. Бечасынъ.

Поѣздка въ горы изъ Кисловодска представляетъ немало трудностей и неудобствъ для тѣхъ въ особенности, кто сильно дорожитъ удобствами и приходитъ въ отчаяніе отъ малѣйшаго стѣсненія себя въ обыденныхъ привычкахъ. Но зато такая поѣздка всегда на столько содержательна и интересна, что совершить ее можно рекомендовать рѣшительно всякому, такъ какъ даже въ самомъ худшемъ случаѣ, при стеченіи самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, отъ поѣздки останется сильное ощущеніе, а извѣстно, что сильныя ощущенія, и въ особенности ощущенія добровольно пережитыя человѣкомъ, всегда оставляютъ въ немъ такое чувство, о которомъ онъ впослѣдствіи вспоминаетъ съ удовольствіемъ, хотя бы они не доставляли особенной пріятности въ моментъ ихъ полученія. Этого нельзя сказать только относительно ощущеній страстей и дурныхъ привычекъ, чисто животнаго характера, отъ которыхъ, по отрезвленіи ума, въ человѣкѣ всегда остается въ высшей степени тяжелое воспоминаніе. Но такъ какъ путешествіе принадлежитъ къ такого рода занятіямъ, въ которыхъ нашъ духъ и все вообще духовное всецѣло властвуетъ надъ плотью и всѣмъ низменнымъ, тѣлеснымъ, то чѣмъ труднѣе путешествіе, тѣмъ, значитъ, сильнѣе, властнѣе у человѣка душа надъ своимъ тѣломъ. Для людей молодыхъ это лучшая школа не только для ума, которому путешествіе доставляетъ богатый и разнообразный матеріалъ въ видѣ большого количества впечатлѣній отъ новыхъ предметовъ и ихъ сочетаній, но и для укрѣпленія воли. Въ Англіи это давно сознали и тамъ въ зажиточныхъ классахъ общества на путешествіе смотрятъ, какъ на обязательный курсъ обученія послѣ прохожденія всѣхъ предметовъ и полученія диплома въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По отношенію же къ людямъ взрослымъ трудное путешествіе есть лучшее мѣрило стойкости и выдержки характера и силы воли, а также присутствія въ человѣкѣ возвышенныхъ чувствъ, способныхъ проявляться отъ великихъ силъ и предметовъ природы и вообще въ серьезныхъ случаяхъ жизни. „Человѣкъ въ пути познается", говоритъ народная мудрость и говоритъ совершенно справедливо. Вотъ почему, повторяемъ, охотно можно рекомендовать предпринять путешествіе изъ Кисловодска въ горы,

такъ какъ оно обязательно заставитъ всякаго много пережить и сильно перечувствовать и дастъ возможность испытать себя.

Есть два способа совершить поѣздку изъ Кисловодска. Одинъ—нанять верховыхъ лошадей и людей на мѣстѣ, въ Кисловодскѣ. Но не для всѣхъ этотъ способъ пригоденъ; даже и для тѣхъ, кто можетъ ѣздить верхомъ, трудно рѣшаться на это, такъ какъ извѣстно, что верховая ѣзда вообще самая тяжелая ѣзда, если продолжается долго, даже для спеціалистовъ и при всѣхъ удобствахъ пути. Кромѣ того, верховыя лошади и люди, взятые изъ Кисловодска, менѣе пригодны для подъема по высокимъ горамъ и всегда обойдутся дороже тѣхъ, которыхъ можно найти тамъ въ горахъ изъ числа тамошнихъ жителей, къ которымъ во всякомъ случаѣ вамъ придется прибѣгнуть, такъ какъ всегда окажется или недостаточное количество перевозочныхъ средствъ или незнаніе взятыми въ Кисловодскѣ людьми дороги въ горахъ, хотя при наймѣ васъ будутъ увѣрять въ противномъ. Вотъ почему мы рекомендуемъ второй способъ, состоящій въ томъ, что слѣдуетъ нанять дроги въ Кисловодскѣ, на которыхъ можно подъѣхать къ концу второго, при хорошей погодѣ, дня къ самымъ крутымъ горамъ. Ѣхать на колесахъ во всякомъ случаѣ удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ верхомъ; кромѣ того это дастъ вамъ возможность запастись большимъ багажемъ и съѣстными припасами и, наконецъ, позволитъ вамъ возвратиться отъ горъ быстро, проѣхавъ около 75—80 верстъ внизъ подъ гору, въ теченіи одного дня, чего верхомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя сдѣлать. Въ виду этого мы предпочли второй способъ, и потому для компаніи въ 5 человѣкъ взяли двое дрогъ, заплативъ за каждыя дроги по 5 руб. въ сутки.

21 іюля, утромъ, совершился нашъ выѣздъ на югъ по направленію къ Бермамуту. Дорога все время постепенно поднималась въ гору и къ концу вечера, вслѣдствіе дождливой погоды, не достигнувъ вершины горы, мы спустились въ глубокую балку Эшкаконъ (по мѣстному Гришкина балка), гдѣ пріютились подъ навѣсомъ скалы, на мѣстѣ недавно бывшаго здѣсь коша. Ночлегъ былъ крайне неудобенъ, вслѣдствіе двухъ причинъ: во первыхъ, постель пришлось устроить прямо на овечьемъ навозѣ, протрусивъ его свѣжей травой и прикрывъ все это полусырою полстью; во вторыхъ, холодъ, густой туманъ, перемежавшійся съ дождемъ, заставляли кутаться и жаться въ тѣсномъ помѣщеніи, такъ что нѣкоторые болѣе уступчивые, давая мѣсто другимъ, не спали всю ночь. Ночью проводники

наши были свидѣтелями происшествія, обычнаго еще и теперь въ этихъ мѣстахъ, какъ обычно оно было и 25—30 лѣтъ назадъ. Дѣло въ томъ, что вблизи нашего ночлега пролегаетъ по балкѣ Эшкаконъ мало кому извѣстная тропа, ведущая изъ Кабарды въ Карачай, т. е., изъ долины Малки въ долину Кубани, на пространствѣ 30—40 верстъ. По этой тропѣ въ полночь одинъ карачаевецъ велъ пару быковъ, очевидно, украденныхъ у кабардинцевъ. Караулившіе своихъ лошадей, проводники видѣли татарина съ быками и не сомнѣвались въ томъ, что быки краденые. Одинъ изъ нихъ прямо безъ стѣсненія спросилъ у владѣльца добычи:

— Эй, знакомъ! зачѣмъ твоя быковъ карапчи, (т. е. укралъ)?

Но тотъ притворился ничего неслышащимъ и непонимающимъ и, какъ это всегда бываетъ, поскорѣе постарался, не смотря на туманъ и слякоть, пройти неожиданную и, безъ сомнѣнія, мало пріятную для него встрѣчу съ русскими. Послѣ дѣйствительно оказалось, что это было воровство; но когда на третій день на Кубани воръ былъ настигнутъ, то отъ него пришлось получить только одного вола, а другой былъ уже проданъ на убой для мяса и съѣденъ.

Съ разсвѣтомъ всѣ мы поднялись, и, пока проводники готовили чай, одинъ изъ присутствовавшихъ успѣлъ убить изъ ружья дикаго голубя, довѣрчиво приблизившагося къ коварному гостю и поплатившагося смертью за свою довѣрчивость.

Замѣчательно, что присутствіе дикихъ голубей на большой высотѣ (до 7—8 тыс. футовъ) Кавказскихъ горъ всегда обусловливается распространеніемъ известковыхъ породъ; въ камняхъ другого состава голуби не водятся, потому что только известковыя породы имѣютъ большія трещины и разнаго рода углубленія, удобныя для гнѣздовья.

Часовъ въ 7 утра мы, не дождавшись, когда окончится туманъ, двинулись въ путь, медленно подвигаясь въ гору, къ Бермамуту, на вершинѣ котораго были не ранѣе 11 часовъ.

Эта гора пользуется весьма большою популярностью у всѣхъ, пріѣзжающихъ на курсъ леченія въ Кисловодскъ. Всякій, кто только можетъ совершить какія либо поѣздки по окрестностямъ Кисловодска, заканчиваетъ тѣмъ, что отправляется къ Бермамуту, чтобы съ этой горы видѣть Эльборусъ при восходѣ солнца. Поднятый на 8500 фут. надъ уровнемъ моря и почти на 1000 фут. надъ окружа-

ющей мѣстностью, Бермамутъ находится уже въ предѣлахъ альпійской полосы, и потому онъ всегда, даже въ срединѣ іюня, сырой, холодный, окутанный вѣчными туманами или обуреваемый сильными вѣтрами. Вершина его совершенно открыта со всѣхъ сторонъ. Съ сѣвера, откуда вы, незамѣтно поднимаясь, въѣзжаете на нее, онъ слабо покатъ, но съ юга, по направленію къ Эльборусу, онъ обрывается крутымъ отвѣсомъ, видъ съ котораго принадлежитъ къ самымъ эффектнымъ на Кавказѣ, такъ какъ онъ заканчивается на горизонтѣ снѣжною линіей и Эльборусомъ. Укрыться отъ непогоды, стоя на его макушкѣ, совершенно негдѣ. Лѣтъ десять тому назадъ одинъ предпріимчивый директоръ Пятигорскаго банка Акуловскій построилъ было здѣсь гостинницу, разсчитывая совершенно основательно, что въ лѣтнее время она не будетъ пуста, но, къ сожалѣнію, случился вскорѣ крахъ банка, вслѣдствіе довѣрчивости Акуловскаго къ людямъ недостойнымъ, и выстроенная гостинница была продана съ аукціона, такъ что въ настоящее время на Бермамутѣ отъ нея остались только небольшіе—въ полтора аршина—каменныя стѣны, за которыми нерѣдко приходится искать защиты отъ студеннаго холода всѣмъ, пріѣзжающимъ сюда изъ Кисловодска. А послѣднихъ бываетъ очень много. Въ иной день сюда сразу пріѣзжаетъ до десятка экипажей, въ каждомъ изъ которыхъ находится по 4—5 пассажировъ. Пріѣзжаютъ сюда исключительно только затѣмъ, чтобы видѣть одну изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ Кавказа, разстилающуюся у ногъ туриста съ Бермамута по огромной долинѣ, изрѣзанной глубочайшими балками въ двухъ направленіяхъ: къ западу и востоку и замыкающуюся на южномъ горизонтѣ снѣжной линіей горъ съ Эльборусомъ во главѣ. Вотъ описаніе этой картины, сдѣланное пріѣхавшимъ сюда, какъ обыкновенно это дѣлается, ночью, чтобы видѣть здѣсь восходъ солнца: „послѣ ночного мрака, когда лучъ свѣта скользнетъ по шапкѣ спящаго гиганта, просыпается и все предгорье, и вы видите, какъ среди тумана и ночной мглы, окутывавшей все необозримое пространство, встаютъ одинъ за однимъ, придвигаются къ вамъ и постепенно наполняютъ всю огромную и глубокую долину, лежащую между вами и Эльборусомъ, какія-то неясныя громады, существованіе которыхъ вы не подозрѣвали до первыхъ проблесковъ разсвѣта. Та пропасть у ногъ вашихъ, которая была наполнена до сихъ поръ какою то сѣрою мутью, теперь разрѣзывается величавыми, странными, фантастически, заманчивыми, а подчасъ совершенно комическими очертаніями каменныхъ

утесовъ, которые все болѣе и болѣе вырисовываются, по мѣрѣ того, какъ проясняется чело ихъ снѣжнаго владыки. Болѣе 30 верстъ тянется долина, лежащая между Бермамутомъ и Эльборусомъ, и вы, стоя на вершинѣ Бермамута, только по каменнымъ громадамъ, разставленнымъ по дну ея, догадываетесь о глубинѣ этой низменности, въ которой люди и стада до такой степени умаляются, что даже передвиженіе ихъ вы замѣчаете только по перемѣнѣ мѣста относительно другихъ предметовъ. Надо быть и стоять надъ пропастью у южнаго конца Бермамута, чтобы никогда не забыть тѣхъ ощущеній полной безпомощности и подавленности, которыя охватываютъ васъ при невольномъ сравненіи, проходящемъ вашемъ въ сознаніи“ *).

Но далеко не всегда удается видѣть описанную панораму. Здѣшнее солнце не всегда балуетъ туристовъ; несравненно чаще на долю послѣднихъ выпадаетъ дождь, сырой туманъ и сильный вѣтеръ, который господствуетъ на открытой вершинѣ почти всякій день при температурѣ въ 1—2 градуса, а иногда и ниже, что дѣлаетъ пребываніе здѣсь невыносимымъ.

Во время нашего проѣзда черезъ Бермамутъ было такъ вѣтрено и холодно, что мы не въ состояніи были долго оставаться на самой вершинѣ горы и поспѣшили спуститься нѣсколько ниже въ промежутокъ между двумя главными отрогами, носящими названіе „перваго“ и „втораго“ Бермамута. Здѣсь, въ защитѣ отъ вѣтра, была устроена стоянка для приготовленія обѣда, въ ожиданіи чего мы занялись сборомъ роскошной альпійской растительности, зачѣмъ собственно и отправились въ горы.

Необходимо замѣтить, что до Бермамута мѣстность не представляетъ особаго интереса для натуралиста, вообще, и для ботаника—въ частности. Какъ сказано уже выше, отъ Кисловодска до Бермамута, на разстояніи 30—35 верстъ, мѣстность слабо поднимается въ гору, пролегая между глубокими балками, виднѣющимися справа и слѣва отъ дороги. Владѣнія жителей Кисловодска простираются почти на половину пути, но такъ какъ всѣ скалы здѣсь обращены къ сѣверу и сѣверо-востоку и въ 5—6 верст. отъ Кисловодска подъемъ мѣстности достигаетъ 3—4 тыс. футовъ н. у. м., то воздѣлываніе хлѣбовъ при такихъ условіяхъ становится невозможнымъ. Пшеница и рожь не успѣваютъ вызрѣвать всякій годъ, а если когда и вызрѣваютъ, то даютъ слабый урожай. Только картофель культивируется, да и то не дальше 6—8 верстъ (не выше 3500 ф).;

*) Гр. Прозрителевъ. „Сѣверный Кавказъ“ № 75 за 1889 годъ.

все же остальное пространство идетъ или подъ сѣнокосъ, или подъ выпасъ скота. Послѣднимъ занимаются, главнымъ образомъ, карачаевцы, живущіе въ верховьи Кубани, но, вслѣдствіе недостатка своей земли, арендующіе у Кисловодцевъ всѣ ихъ свободныя мѣста, не пригодныя для культуры хлѣбовъ. Такимъ образомъ, начиная съ 10—12 версты отъ Кисловодска, не встрѣчается на пути ничего, кромѣ многочисленныхъ стадъ овецъ, большихъ гуртовъ скота и табуновъ лошадей. Вся мѣстность, поэтому, превращается въ сплошное пастбище. А гдѣ производится постоянный выпасъ скота въ горахъ, начиная съ 6—7 т. ф. и до высоты вѣчныхъ снѣговъ, до 9—10 т. ф., тамъ, вмѣсто роскошной альпійской и субъ-альпійской растительности, разнообразящейся сотнями и десятками сотенъ видовъ,—вы имѣете *горную толоку*. Послѣдняя отличается отъ обыкновенной степной толоки только тѣмъ, что въ степи лѣтомъ толока представляетъ почти голую землю, тогда какъ въ горахъ она есть ничто иное, какъ густой, плотный, всегда зеленый, но очень короткій дернъ изъ немногихъ травъ: злаковъ, лютика, мокраго трилистника, манжетки и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ обыкновенно не ѣстъ скотъ. Для того, чтобы извлечь при нуждѣ какое либо растеніе цѣликомъ изъ земли, необходимо бываетъ вырѣзать цѣлый комъ, или плитку изъ полуперегнившихъ и свѣжихъ корней тѣхъ растеній, которыя преобладаютъ на поверхности горной толоки. Такой дернъ, толщиною въ 3—4 вершка, иногда лежитъ прямо на твердой каменистой подстилкѣ, а иногда, на крутыхъ отвѣсныхъ склонахъ, при быстромъ вывѣтриваніи или осыпаніи подстилки, онъ спускается внизъ и виситъ плотной и большой массой по обрыву скалы. Послѣднее всегда можно наблюдать тамъ, гдѣ скала состоитъ изъ мелкаго щебня глинистыхъ сланцевъ, которые собственно распространены за Бермамутомъ и въ Главномъ хребтѣ. На пути же къ Бермамуту преобладаютъ известняки, а не вдалекѣ отъ Бермамута встрѣчаются на высотѣ 6—7 т. ф. богатыя залежи алебастра, разработкой которыхъ занимаются, хотя, къ сожалѣнію, въ незначительныхъ размѣрахъ, жители Кисловодска.

Единственное, что обращаетъ на себя вниманіе невдалекѣ отъ вершины Бермамута,—это присутствіе въ почвѣ огромныхъ воронокъ съ діаметрами до 40—50 квадратныхъ саженей, и при углубленіи въ 2—3 и 5 саж. Воронки эти образованы, очевидно, атмосферною водою, разъ задержавшеюся въ незначительныхъ углубленіяхъ и затѣмъ постепенно просачивавшеюся въ растворимыя из-

вестковыя породы. Въ менѣе глубокихъ воронкахъ, въ которыхъ процессъ размыва изестняковъ не достигъ еще большихъ размѣровъ, застаивается вода, вслѣдствіе чего онѣ заростаютъ осоками и забалачиваются. Къ такимъ мѣстамъ обыкновенно приходитъ скотъ на водопой. Но въ болѣе глубокихъ вода уходитъ въ землю быстро, какъ черезъ рѣшето съ прорванной дырою.

Особенно же рѣзко выразилось размывающее дѣйствіе воды на известнякахъ у отвѣсной стѣны Бермамута, обращенной къ югу. Здѣсь гигантскіе столы, столбы и трещины чередуются вдоль стѣны на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Туристы, посѣщающіе Бермамутъ въ колясках, обыкновенно не видятъ этой грандіозной и вычурно изрѣзанной стѣны, такъ какъ она принадлежитъ второму или главному Бермамуту, отдѣленному отъ перваго углубленіемъ. Чтобы ее видѣть, нужно объѣхать всю гору по направленію къ востоку и спуститься внизъ на 6—7 т. ф. Но для объѣзда существуетъ такая неудобная дорога, по которой не только въ коляскѣ, но и на дрогахъ можно прослѣдовать только съ величайшимъ трудомъ. Крутые косогоры, оползни, рытвины и пропасти—на каждомъ шагу. Сидѣть при этомъ на подводѣ немыслимо, приходится идти сзади, поддерживая и помогая всѣми мѣрами лошадямъ и повозкѣ. Кромѣ того, не малымъ препятствіемъ въ пути является постоянная встрѣча съ татарскими арбами, нагруженными разнаго рода лѣсомъ, который доставляется этой дорогою отъ Главнаго хребта съ верховьевъ Кубани въ Кисловодскъ.

Тотъ же туристъ, слова котораго мы только что приводили, по поводу перевозки лѣса карачаевцами, пишетъ слѣдующее:

„Сколько надо силы, выносливости, терпѣнья и безысходной нужды, чтобы, не взирая на всѣ трудности, тащить брусья, за 50— 60 верстъ (а по нашему, ихъ приходится тащить не менѣе какъ за 70—80 верстъ, потому что ближе отъ Кисловодска по этому пути нѣтъ сосновыхъ лѣсовъ) и продать за безцѣнокъ на Кисловодскомъ базарѣ? Вывезя изъ ущелья два бруса на арбѣ, карачаевецъ выпрягаетъ быковъ, съ неимовѣрными усиліями снимаетъ брусъ и, волокомъ, усиленно погоняя быковъ, совершаетъ остальной путь до вершины горы. Вытащивъ такимъ образомъ одинъ, онъ возвращается за другимъ, третьимъ и т. д. до послѣдняго. Выбравшись на гору, этотъ несчастный труженикъ снова наваливаетъ брусья на арбы и двигается далѣе. Даже со стороны тяжело и жалко смотрѣть на эту адскую работу“, на производство

которой иногда приходится затратить день—два, чтобы протащить кладь впередъ на разстояніи какихъ нибудь 3—4 верстъ. Застигнутые на одномъ косогорѣ встрѣчными арбами, которыя завязли съ лѣсомъ въ грязи въ выбоинѣ, мы съ своими подводами должны были простоять болѣе 4 часовъ, пока путь не былъ очищенъ общими усиліями отъ загромождавшихъ его встрѣчъ.

Пока мы успѣли спуститься къ подножью Бермамута, наступилъ вечеръ, усилился дождь и холодъ. Впереди, по словамъ нашихъ подводчиковъ, предвидѣлась Кабардинская сторожка, но до нея было не ближе 7 верстъ.

Теперь путь пролегалъ по узкому гребню водораздѣльной линіи между верховьями глубокихъ балокъ Эшкакона и Бечасына справа, а также Хассаута и другихъ притоковъ Малки—слѣва. Мѣстами ширина гребня водораздѣла не превосходила 3—4 саженей, тогда какъ пропасти направо и налѣво простирались на цѣлыя версты. Въ грязь и слякоть колеса нашей повозки скользили, вся она сильно накренялась изъ стороны въ сторону, такъ что всякую минуту приходилось балансировать или моментально выскакивать изъ нея на косогоръ, чтобы не слетѣть въ пропасть. Мысль, что придется ночевать и вторую ночь при условіяхъ, быть можетъ, худшихъ, чѣмъ первую, давно уже безпокоила насъ, а тутъ уже и голодъ, не только холодъ, донимали. Говоръ и шутки среди путниковъ давно сами собою смолкли. Такъ пришлось ѣхать часъ-другой, когда уже стемнѣло и не стало видно ни пропастей, ни балокъ. Наконецъ, только въ десятомъ часу мы подъѣхали къ спасительной сторожкѣ, имѣющей всѣ свойства курной избы, размѣромъ въ 8—10 кв. саженей. Сырость и холодъ такъ доняли насъ за два дня, что мы рады были всякому крову и потому терпѣливо выносили болѣе трехъ часовъ сильный дымъ отъ приготовленія на горящемъ кострѣ національнаго шашлыка и духоту отъ присутствія въ крайне маломъ помѣщеніи 12 человѣкъ, лишь бы обсушиться, согрѣться и уснуть хоть нѣсколько часовъ.

Кабардинская сторожка или сторожка на Бечасынѣ, какъ говорятъ туземцы, называя такъ всю окрестность, находится на 8000 ф. на Кубанско-Терскомъ водораздѣлѣ, служащемъ границею между двумя народностями: кабардинцами, населяющими бассейнъ Малки, впадающей въ Терекъ, и карачаевцами, живущими на Кубани. Построенная вдали, на разстояніи 15—18 верстъ отъ всякаго жилья, она имѣетъ исключительную цѣль дать постоянное лѣтнее помѣщеніе для сторожей и пріютъ для охра-

ны пограничной стражи отъ воровства скота этими горцами другъ у друга; преимущественно же воровствомъ отличаются карачаевцы. Хотя между этими двумя народами есть много сходныхъ чертъ, какъ между всѣми горскими именами Кавказа, по образу жизни, нравамъ и обычаямъ, но есть много и отличій. Кабардинцы, напр., несомнѣнно имѣютъ за собою много преимуществъ по своей большей культурности предъ карачаевцами, что объясняется вполнѣ естественно тѣмъ, что земли кабардинцевъ, расположенныя по рѣчкамъ Малкѣ, Баксану, Уруху и друг., отъ верховьевъ до устьевъ этихъ рѣкъ, издавна примыкали непосредственно къ владѣніямъ русскихъ, тогда какъ карачаевцы всегда жили въ неприступныхъ ущельяхъ Кубани, среди суровыхъ условій, удаленные за 40—50 верстъ отъ русскихъ владѣній. Сами себя кабардинцы считаютъ дворянами, а карачаевцевъ—бывшими когда-то своими холопами. Одинъ кабардинецъ, присутствовавшій при нашей поѣздкѣ, при встрѣчѣ съ верховымъ, на очень далекомъ еще разстояніи, на вопросъ: кто это ѣдетъ, отвѣтилъ: „карачаевецъ“, что и подтвердилось потомъ.

— Почему же ты узналъ, что это былъ карачаевецъ, а не кабардинецъ, спросили мы.

— Наша смотритъ, какъ онъ на сѣдлѣ сидитъ; наша всегда будетъ угадать, старался пояснить онъ свою примѣту.

Дѣйствительно, посадка на сѣдлѣ у кабардинцевъ всегда твердая, образцовая, посадка „джигита“, какъ здѣсь говорятъ, какъ и подобаетъ сидѣть дворянину, тогда какъ карачаевецъ въ сѣдлѣ сидитъ „по мужицки“, такъ сказать, искривившись, сгорбившись, вихляясь во время ѣзды.

Когда мы вошли въ избу и чтобы осмотрѣться, зажгли свѣчу,—до тѣхъ поръ изба освѣщалась пламенемъ очага, устроеннаго въ углу, противъ входа,—то увидѣли сразу, что между присутствовавшими въ ней горцами есть господа и слуги. Оказалось, что за нѣсколько часовъ до нашего пріѣзда сюда явился изъ Нальчика отрядъ изъ восьми человѣкъ кабардинцевъ, назначаемый спеціально для надзора за ворами скота. Начальникъ отряда г. Агубековъ—истый кабардинецъ, держалъ себя съ такимъ достоинствомъ и важностью, что его можно было принять за начальника Области или всего Кавказа. Онъ говорилъ почти правильно по русски, старался произносить всякое слово съ вѣсомъ, умно и красиво. Послѣ нѣсколькихъ фразъ привѣтствія онъ принялся разсказывать намъ, что онъ хорошо знаетъ Россію, бывалъ въ Ростовѣ, и въ Харь-

ковѣ, и въ Сумахъ, и даже въ обѣихъ столицахъ. Насъ онъ принялъ, какъ это всегда бываетъ въ горахъ Кавказа, за инженеровъ, ѣдущихъ отыскивать полезные минералы, серебряныя руды и проч., а въ концѣ концовъ, какъ любезный хозяинъ караулки, съ одной стороны, а съ другой—какъ настоящій службистъ, онъ приказалъ своему отряду сѣдлать лошадей и, не смотря на ужасную непогодь, отправился въ разъѣздъ на поиски воровъ—карачаевцевъ. Мы, конечно, остались весьма благодарны любезному предводителю отряда за то, что онъ освободилъ намъ тѣсное помѣщеніе караулки, иначе большинству изъ насъ пришлось бы спать подъ открытымъ небомъ въ дождь, при температурѣ+2° Ц., на очень сильномъ вѣтрѣ.

На другой день, въ пять часовъ утра, согрѣвши себя нѣсколько чаемъ и простившись съ карауломъ, пріѣхавшимъ вновь на разсвѣтѣ къ караулкѣ, мы отправились дальше по направленію къ Эльборусу. Послѣ двухъ—трехъ верстъ неудобной дороги, мы встрѣтили снова горную толоку, т. е. плотный коверъ растительнаго дерна, по которому, какъ по толстому бархатному ковру, подвода безъ всякаго шума свободно катитъ по волнистой мѣстности. Вновь, какъ передъ Бермамутомъ, такъ и здѣсь, на каждомъ шагу встрѣчаются стада овецъ и рогатаго скота, а также табуны лошадей. По мѣстамъ нѣсколько пониженнымъ, въ балкахъ, на разстояніи 5—6 верстъ, видны коши. Мѣстность крайне однообразная. Въ дождь и туманъ, которые въ этотъ день преслѣдовали насъ, когда не было видно снѣговой линіи горъ, а приходилось обозрѣвать лишь небольшой сравнительно горизонтъ, казалось, что вы слѣдуете по своей южнорусской степи въ позднюю осень или раннюю весну, когда вѣтеръ и холодъ донимаютъ васъ. Свистъ джубрана, т. е. нашего овражка, или суслика, за которымъ охотно гоняются овчарки, еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе нашей степи, какою она является въ началѣ марта послѣ только что стаявшаго снѣга.

Относительно горнаго овражка нужно замѣтить, что онъ совершенно отсутствуетъ въ другихъ мѣстахъ Кавказскихъ горъ, кромѣ предѣла главнаго хребта и его отроговъ, въ альпійской области, съ 8000 до 9000 и даже до 9500 ф. Водится онъ здѣсь всегда по солнечнымъ косогорамъ, роетъ ямки не въ глубину, чего нельзя дѣлать вслѣдствіе каменистой почвы, а въ бокъ, въ сторону или вверхъ по косогору. Поэтому разрывать его норку не трудно, что и дѣлаютъ очень часто мѣстныя лисицы и въ особенности медвѣди, которымъ джубранъ поэтому часто идетъ на завтракъ.

Послѣ Кабардинской караулки можно еще свободно ѣхать верстъ 15—17 на дрогахъ, пока не достигнешь до кряжа горъ, стоящаго перпендикулярно въ направленіи къ Кубанско-Терскому водораздѣлу и поднимающагося на 10—11 тысячъ футовъ выше уровня моря. За этимъ кряжемъ виднѣется второй болѣе высокій, совершенно лишенный растительности и состоящій какъ бы изъ однихъ голыхъ острыхъ утесовъ изверженныхъ породъ. Это по мѣстному названію „Черныя горы", *) которыя тянутся параллельно главному кряжу далеко на сѣверозападъ въ Кубанской Области. Оба эти кряжа совершенно заслоняютъ снѣговую линію горъ. Теперь вы не видите передъ собою Эльборуса, не смотря на то, что подъѣхали къ нему всего на разстояніи 10—12 верстъ по прямому направленію и находитесь на высотѣ 8200 ф. н. у. моря. Отсюда дальнѣйшее путешествіе можетъ быть совершено только на верховыхъ лошадяхъ. Здѣсь нужно остановиться у любого коша, оставить дроги и при нихъ человѣка, который бы зорко слѣдилъ за вещами, иначе многое будетъ раскрадено не гостепріимными хозяевами, конечно, а сосѣдями, собирающимися обыкновенно со всѣхъ кошей полюбопытствовать, кто пріѣхалъ въ ихъ страны. Взявъ особыхъ лошадей и проводниковъ за сравнительно недорогую плату—полтора—два рубля въ сутки за лошадь и хозяина ея - вы можете двинуться къ востоку, въ верховье Малки, по которой чрезъ 6—7 часовъ ѣзды приблизитесь къ самымъ ледникамъ царя Кавказа—Эльборуса.

Но поѣздка къ Малкскимъ—ледникамъ на этотъ разъ не входила въ наши планы, она произведена была нами при совершенно другихъ обстоятельствахъ, съ другими компаньонами и въ другое время, именно въ 1892 году.

ГЛАВА VI.

Впечатлѣнія горъ Кавказа.

Одинъ путешественникъ, сдѣлавшій въ 1886 году восхожденіе на Эльборусъ на высоту 16 тыс. футъ, на публичной лекціи въ Кисловодскѣ выразился такъ: „Кто хотя разъ побывалъ въ горахъ на большихъ высотахъ, того потомъ постоянно тянетъ на поклоненіе этимъ святынямъ"— мысль вполнѣ справедливая. Благодаря этому тяготѣнію

---

*) Названіе „Черныхъ горъ" на сѣверномъ Кавказѣ даютъ чаще еще горамъ, покрытымъ лѣсами чернолѣсья и расположеннымъ вблизи степей.

къ горамъ, въ государствахъ Западной Европы существуютъ, какъ извѣстно, многочисленные альпійскіе клубы, члены которыхъ, если не ежегодно, то по нѣскольку разъ въ своей жизни предпринимаютъ продолжительныя путешествія по горамъ. У насъ въ Россіи существуетъ только одинъ— и тотъ открытъ лишь въ 1890 году—Крымскій клубъ альпинистовъ. Что же касается Кавказа, то на его высоты совершаются также ежегодныя восхожденія различными лицами, русскими и иностранцами. Такъ, напримѣръ, въ 1887 году Марковъ поднялся на вершину Арарата. Два англичанина—Донкинъ и Фоксъ—въ 1888 г. погибли при подъемѣ на Каштанъ-тау. Въ томъ же 1888 году сдѣлалъ вторичное восхожденіе на Казбекъ одинъ изъ владикавказцевъ, а компанія изъ офицеровъ казачьяго Уманскаго полка взошла 19 іюля на Араратъ, гдѣ найденъ былъ ими термометръ *minimum*, оставленный тамъ г. Марковымъ и указывавшій, что холодъ на вершинѣ горы достигаетъ 50° Ц. Точно также въ томъ же году и вторично въ 1890 году одинъ англичанинъ неудачно пытался подняться на вершину Ужбы, а въ 1890 году топографъ г. Пастуховъ взошелъ на западную вершину Эльборуса и пр. и пр.

Замѣчательно, что на поклоненіе этимъ „святынямъ“ тянетъ не однихъ только интеллигентныхъ и праздныхъ во время лѣта людей; сюда одинаково охотно идутъ и всѣ другіе, не заинтересованные ни научными изслѣдованіями, ни матеріальными выгодами, а лишь кто только однажды побывалъ на высотахъ горъ и имѣетъ возможность сдѣлать это вторично. Намъ извѣстенъ такой примѣръ: нѣкто Н. Бакуменко изъ Кисловодска попалъ однажды въ качествѣ проводника для лицъ, сдѣлавшихъ перевалъ по ледникамъ съ сѣвера на югъ Кавказскихъ горъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ мы видимъ его уже проводникомъ у г. Маркова и потомъ почти у всѣхъ тѣхъ, кто въ послѣдующіе годы отправлялся въ горы изъ Кисловодска, такъ что въ настоящее время изъ этого человѣка выработался вполнѣ хорошій альпійскій проводникъ, знающій не только мѣстность въ предѣлахъ Кубанско-Терскаго водораздѣла, но и нарѣчія здѣшнихъ горцевъ. Когда мы въ 1889 году пригласили его ѣхать съ нами къ Эльборусу, то онъ, видимо, радъ былъ случаю вновь побывать „въ завѣтныхъ“, какъ говорилъ, мѣстахъ, потому что бросилъ даже у себя постройку дома и высказалъ значительную уступчивость относительно платы. Но этого мало: нужно было видѣть этого человѣка въ то время, когда мы, поднявшись на высоту 11 тыс. ф., находились въ очень близкомъ разстояніи отъ Эльборуса. Онъ сіялъ отъ восторга и не могъ удержаться, чтобы вслухъ не вы-

разить своего порицанія, что мы не предпринялн поѣздки къ самымъ ледникамъ.

— „Эхъ! чертъ побери!“—грустно произнесъ онъ, вперивъ восторженно печальный взглядъ на ярко блиставшія вершины двуглаваго царя Кавказа, который по прямой линіи, казалось, отстоялъ отъ насъ на разстояніи полуверсты.

— „Что ты тамъ, Николай, ворчишь?“—спросилъ я его.

— „Какъ что?“—выразилъ онъ недовольнымъ тономъ. „Не послушали меня, теперь уже давно были бы на самыхъ снѣгахъ; а то вонъ куда поднялись, а все на камняхъ!“

— Да пойми же ты, милый человѣкъ, что намъ, какъ это уже не разъ говорилось тебѣ, ледники не нужны: на нихъ ничего не ростетъ, а намъ нужна растительность высокихъ горъ.

— Такъ оно такъ! Да то одно, а то другое!... не отрывая глазъ отъ Эльборуса, продолжалъ онъ, видимо, мало убѣжденный моими доводами и думая, конечно, не о той ничтожной травкѣ, которую онъ попраетъ ногами, а о томъ блестящемъ, поразительномъ тронѣ, на которомъ возсѣдаетъ царь царей, какъ это невольно представляется всякому при видѣ такой картины.

Мои молодые спутники, студенты Харьковскаго университета,—ихъ было три человѣка—тоже безраздѣльно упивались созерцаніемъ невиданной ими еще картины природы и, казалось, только ждали сигнала, чтобы со всѣхъ ногъ пуститься черезъ пропасти и скалы, да только быть какъ можно ближе къ тому, что такъ неотразимо манило къ себѣ.

— Ну, идите, говорю я компаніи, кто желаетъ съ Николаемъ, а я останусь здѣсь, потому что для меня слишкомъ трудно будетъ въ короткій срокъ подняться на тотъ высокій хребетъ, за которымъ уже стоитъ Эльборусъ.

Повторять своихъ словъ болѣе не пришлось. Н. Бакуменко въ одну минуту сдалъ лошадей бывшему здѣсь татарину, а чрезъ 10—15 минутъ уже далеко отъ насъ, какъ серна, взбирался по крутизнамъ, увлекая за собою двухъ спутниковъ.

Что же это такое, находящееся въ горахъ, что такъ сильно тянетъ къ себѣ человѣка? Почему, иначе говоря, человѣкъ стремится пройти возможно дальше въ горы, подняться на самыя вершины высочайшей изъ нихъ, рискуя своимъ здоровьемъ и часто даже жизнью? Трудно отвѣтить въ короткихъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ на это. Нужно испытать въ дѣйствительности все то, что испытываетъ путешественникъ на высотахъ горъ, чтобы понять это стремленіе подняться возможно выше надъ равниной, т. е.,

нужно въ извѣстное время пережить и перечувствовать то особенное душевное состояніе, которое способна вызвать въ человѣкѣ только вся обстановка большихъ высотъ и которое не испытывается на равнинахъ.

Безсмертный Гейне въ одномъ стихотвореніи говоритъ:

На горы крутыя взбираясь,
Заохаешь ты, какъ старикъ;
Но если достигнешь вершины—
Орлиный услышишь тамъ крикъ.
И самъ ты въ орла превратишься,
Почуешь, что силенъ ты сталъ....
Что сталъ ты свободенъ.... и очень
Немного внизу потерялъ.

Сознаніе особой силы и полной свободы — вотъ, главнымъ образомъ, то, что чувствуется всякимъ, поднявшимся на высоты. Но чтобы всесторонне понять то состояніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, необходимо читателю на время отвлечь свое вниманіе отъ главной мысли и познакомиться, хотя вкратцѣ, на примѣрѣ, съ обстоятельствами, обыкновенно предшествующими и сопровождающими восхожденіе на большія высоты на Кавказѣ. Положимъ, что вы, намѣреваясь предпринять восхожденіе на вершину какой-либо горы, подъѣхали уже къ ея основанію и вамъ предстоитъ только подняться съ высоты 8—9 тыс. фут., на которой вы находитесь наканунѣ восхожденія, еще на 5—6 тыс. ф. или хотя бы даже на 2—3 тыс. фут. Допустимъ, что все уже у васъ приготовлено къ этому подъему и, судя по прежнимъ своимъ путешествіямъ, вы чувствуете себя способнымъ для послѣдней 7—8 часовой работы. Но всего этого далеко недостаточно. Остается еще одно роковое обстоятельство, измѣнить которое путешественникъ не въ силахъ, но отъ котораго всецѣло зависитъ успѣхъ восхожденія. Это вопросъ о томъ, какова будетъ погода завтра, когда вы начнете свой подъемъ въ гору? Что, если будетъ дождь, или еще того хуже, такой туманъ, который вы уже испытали на своемъ пути, приближаясь къ главному подъему, и отъ котораго въ теченіи цѣлаго дня въ двухъ шагахъ ничего не бываетъ видно? Вотъ почему ничто не представляетъ для васъ наканунѣ послѣдняго подъема такого интереса, какъ возможность слѣдить за всѣми измѣненіями облаковъ, покрывающихъ намѣченныя вами вершины, съ цѣлію сдѣлать хотя какія либо догадки и соображенія о погодѣ завтрашняго дня.

— А что, хорошая погода будетъ завтра?—спрашиваю я у туземца.

— Богъ знаетъ! отвѣчаетъ онъ, и вообще ни одинъ изъ нихъ никогда не рѣшится дѣлать съ вечера какія либо предсказанія о погодѣ даже въ общихъ выраженіяхъ.

Дѣлать нечего, приходится надѣяться и ждать, а такъ какъ въ горахъ быстро темнѣетъ, то еще до заката солнца вы заблаговременно озабочиваетесь о мѣстѣ ночлега. Обыкновенно мѣсто, у котораго приходится выбирать наиболѣе удобную стоянку въ альпійской области Кавказскихъ горъ близь жилья, носитъ названіе *коша*. Это—небольшое болѣе или менѣе ровное пространство въ 200—300 кв. саженей. Въ центрѣ его находится невысокая плетневая изгородь, окружающая площадь, въ 10—15 квадр. арш. „джулунъ", по карачаевски; на ней помѣщается двухколесная арба съ съѣстными припасами и что-то похожее на шалашъ хозяина. Все пространство вокругъ коша сильно унавожено скотомъ и лишено растительности. Ежедневно съ закатомъ солнца къ кошу собираются стада различнаго скота. Прежде всего прибѣгаютъ, оглашая воздухъ крикомъ, молодые ягнята и козлята, которыхъ утромъ отлучаютъ отъ дойныхъ матокъ для спокойствія послѣднихъ. Остановившись на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ 10 шагахъ отъ изгороди, стадо мало по малу начинаетъ успокаиваться и ложиться на земь. Но проходитъ нѣсколько минутъ, вдругъ вся молодежь вскакиваетъ на ноги и, неистово крича, обращаетъ свой взглядъ въ ту сторону, откуда къ кошу мчится въ галопъ стадо матокъ. Чрезъ минуту оба стада сталкиваются, перемѣшиваются и водворяется такой гамъ, что большій трудно себѣ представить: блеяніе на всевозможные тоны, бѣганье, толканіе и взаимное обнюхиваніе матокъ и ягнятъ—суета невообразимая! Но, къ удивленію, все это продолжается не болѣе 8—10 минутъ. Затѣмъ тысячеголовая масса успокаивается, и шумъ какъ-то вдругъ смолкаетъ; только отдѣльные, чисто дѣтскіе голоса козлятъ, лишившихся почему либо своихъ матокъ, особенно жалобно раздаются въ стадѣ до сумерокъ. Позднѣе другихъ мирно и спокойно подходитъ къ кошу новое стадо, состоящее изъ барановъ (валаховъ), и рогатый скотъ. Тѣ и другіе останавливаются и потомъ укладываются на своихъ постоянныхъ мѣстахъ безъ всякаго досмотра со стороны пастуховъ, собравшихся давно уже у костра за оживленной бесѣдой, пока готовится на огнѣ пища. Умныя собаки давно уже заняли свои позиціи, образуя сторожевую цѣпь поотдаль отъ скота....

Пока производятся всѣ эти наблюденія, совсѣмъ темнѣетъ; облака, постепенно спускавшіяся съ горъ въ низины, окутываютъ густымъ туманомъ кошъ, обдавая васъ сыростью.

Еще минута—и туманъ переходитъ въ мелкій дождь.... Бррр!! Вамъ и безъ того холодно, такъ какъ термометръ еще до заката солнца показывалъ всего 5°!...

Сдѣлавъ послѣднія распоряженія относительно утра, мы закутываемся въ мѣстную бурку и, убаюкиваемые монотонною туземною пѣснью одного изъ аборигеновъ, сидящихъ долго за полночь у костра, крѣпко засыпаемъ съ мыслью о завтрашней погодѣ.

Рано утромъ, еще не поднявшись, я слышу завыванье вѣтра и вижу все тотъ же едва пронизываемый мракъ отъ тумана. „Вставать или нѣтъ? Какая досада!... Пропали всѣ наши планы и разсчеты“.... Грустно размышляю и еще на нѣсколько минутъ кутаюсь отъ холода въ спасительную бурку. Но вскорѣ блеяніе овецъ и ожесточенный бой двухъ валаховъ, производившихъ своими крѣпкими лбами громкіе удары, заставили меня подняться. Кошъ постепенно просыпается. На потухшій почти костеръ кѣмъ-то брошено нѣсколько сырыхъ щепокъ березы; сильный вѣтеръ быстро раздулъ пламя; старый сгорбленный татаринъ въ дырявой свиткѣ и кое какъ заплатанныхъ штанахъ, протянувъ къ огню свои закоченѣлыя руки и ноги, зоветъ меня погрѣться. Дѣйствительно, холодно!....

Ртуть въ термометрѣ стоитъ на 0°! Сырой вѣтеръ такъ и пронизываетъ чрезъ всѣ сорокъ одеждъ, которыя, за отсутствіемъ шубы, надѣты на мнѣ.

— Погода яманъ (худая)! угрюмо говорю я, присѣдая къ огню.

— Нэтъ! Погода будетъ якши (хорошая)! Вэтеръ.... туманъ не будетъ: на гора гайда твоя работай (на гору пойдешь).... увѣренно утѣшаетъ меня малознающій по русски карачаевецъ.

Проходитъ минутъ десять—пятнадцать, въ теченіе которыхъ весь кошъ успѣлъ подняться на ноги. Мычаніе скота, крики пастуховъ, приступившихъ къ доенію овецъ и отлученію ягнятъ, лай собакъ — все это слилось въ непривычный для насъ шумъ, какъ и вчера вечеромъ. Скоро закипѣлъ чай, къ которому гостепріимные хозяева коша успѣли зажарить и подать традиціонный въ горахъ Кавказа шашлыкъ. Стали совѣщаться: начинать-ли восхожденіе, или не слѣдуетъ по случаю дурной погоды? Но туземцы вмѣстѣ съ нашими проводниками увѣряютъ, что туманъ долженъ скоро подняться и разсѣяться отъ вѣтра. Дѣйствительно, къ 7-ми часамъ небо стало очищаться отъ тучъ, термометръ теперь показываетъ 6°, вѣтеръ замѣтно слабѣетъ. Наконецъ, кое-гдѣ изъ-за облаковъ пока-

зались лучи солнца и наполнили наши сердца неизъяснимою радостью....

Знаете ли вы, читатель, что такое солнце на высокихъ горахъ? Не думайте, что оно тоже здѣсь, что въ долинахъ. Кто, напримѣръ, въ долинѣ или степи станетъ цѣнить лѣтомъ появленіе солнца высоко на небосклонѣ? Правда, и здѣсь картины солнечнаго восхода (когда настоящему городскому жителю приходится хотя бы однажды въ своей жизни видѣть восходъ!) восхищаютъ насъ, потому что всѣ окрестности при этомъ освѣщаются особенно пріятнымъ и быстро мѣняющимся колоритомъ цвѣтовъ. Но стоитъ только солнцу въ лѣтній день подняться на горизонтъ выше колокольни, какъ оно уже становится назойливымъ: вы невольно ищете тѣни. Въ горахъ-же, на высотѣ 8 и 9 тысячъ фут., лѣтомъ, гдѣ тѣнь—тамъ холодъ. Тамъ даже въ самую жаркую пору дня термометръ бываетъ рѣдко выше 10—12° Ц. Такъ, напримѣръ, 24 іюля 1889 года на высотѣ, близкой къ 11 тыс. фут., въ 12 часовъ яснаго дня термометръ въ тѣни стоялъ на 4° Ц., тогда какъ на солнцѣ по южному склону на высотѣ 2 аршинъ отъ поверхности онъ показывалъ 22° Ц., а камни здѣсь же у поверхности почвы нагрѣты были до 27° Ц. Но солнечныхъ ясныхъ часовъ въ теченіе лѣтняго дня, а тѣмъ болѣе полныхъ ясныхъ дней въ альпійской области горъ Кавказа лѣтомъ бываетъ очень мало; только въ августѣ и сентябрѣ ясные дни встрѣчаются чаще. Вотъ почему всякій лучъ солнца въ горахъ въ лѣтнее время, случайно освѣтившій поверхность земли, радостно привѣтствуется органической природой. Все здѣсь отъ маленькаго растеньица до человѣка дорожитъ такими рѣдкими моментами и спѣшитъ воспользоваться ими. Для примѣра могу привести слѣдующій случай, свидѣтелемъ котораго я былъ въ половинѣ іюля 1887 г. при посѣщеніи вершины Цхра-цхаро въ Закавказьѣ, близь Боржома. Со мною были въ это время два энтомолога. Долгое время съ утра погода была вѣтренная и пасмурная. Лишенные даже малѣйшей добычи энтомологи не безъ зависти посматривали на меня, собиравшаго хорошую взятку съ флоры на вершинѣ горы въ 9 тыс. фут. Но во время нашего спуска съ горы небо стало проясняться, окружавшія насъ облака быстро стали уноситься вѣтромъ въ сторону,—у энтомологовъ сразу нашлась работа. Трудно было сказать, откуда вдругъ набрались насѣкомыя, которыя съ удивительной быстротой сновали вокругъ насъ, а какъ только небо закрывалось тучами—все моментально куда-то исчезало. При быстрой смѣнѣ ясныхъ періодовъ съ пасмурными, вслѣдствіе большаго вѣтра, дѣятельносоь насѣкомыхъ являлась рѣзкой и эффектной.

Интенсивность солнечныхъ лучей на высокихъ горахъ большая, чѣмъ въ долинахъ, т. е., вслѣдствіе большей разрѣженности и болѣе полной чистоты воздуха, дѣйствіе свѣтовыхъ и химическихъ лучей въ горахъ болѣе сильное, всѣ процессы въ организмахъ совершаются энергичнѣе и быстрѣе. Вотъ почему такъ изумительно разнообразна и красива флора альпійскихъ луговъ, такъ энергичны и подвижны насѣкомыя.

Особенное состояніе испытываетъ здѣсь и человѣкъ. Еще полминуты тому назадъ, подъ вліяніемъ холода и сырости, вы были мрачны и чувствовали себя мало способнымъ на какое либо трудное дѣло, но теперь, облитые на минуту яркимъ лучомъ солнца, вдругъ становитесь веселымъ, бодрымъ. Еще недавно вамъ эти высоты казались недосягаемыми, непривѣтливыми и неинтересными, а теперь, когда облака высоко поднялись надъ ними и когда заблистали ихъ снѣжныя вершины, васъ тянетъ туда, вы не сомнѣваетесь въ успѣхѣ восхожденія, не думаете о трудностяхъ и опасностяхъ въ пути. Наоборотъ, подъ вліяніемъ живительныхъ лучей солнца, вы, какъ и всѣ другія существа, вдругъ проявляете особую энергію въ дѣйствіяхъ, торопите не въ мѣру своихъ проводниковъ, помогая имъ въ сборѣ и укладкѣ вещей, и съ особеннымъ удовольствіемъ выступаете въ путь, когда все готово.

По прошествіи часа, много—двухъ отъ начала вашего поднятія по узкой неудобной тропѣ крутаго склона горы, тяжело дышащія лошади требуютъ передышки и, наконецъ, вамъ приходится совсѣмъ ихъ оставить и дѣлать подъемъ уже пѣшкомъ: крутизна склона и большіе камни, всплошную покрывающіе склонъ, вынуждаютъ васъ отказаться отъ посторонней помощи; теперь вы должны разсчитывать только на себя. Сначала подъемъ совершается довольно бодро, но вскорѣ требуется остановка для отдыха. Чѣмъ выше и круче гора, тѣмъ остановки дѣлаются чаще и чаще: сдѣлаешь 100 шаговъ, и нужно постоять хотя-бы на полминуты. Далѣе—тоже приходится повторять чрезъ 50 и 30 шаговъ. Вотъ уже ясно видна вершина; кажется, осталось подняться какихъ нибудь 200—300 шаговъ, чтобы достичь ея, но давно чувствуется такое утомленіе, что едва есть возможность двигаться впередъ. Проходитъ еще полчаса, а вы все еще на склонѣ, а не на вершинѣ горы. Теперь вы останавливаетесь для передышки чрезъ каждые 10 и даже 5 шаговъ. Напряженіе организма достигаетъ крайнихъ предѣловъ: дыханіе учащено до 30—40 разъ въ минуту (когда обыкновенно оно совершается 18—20 разъ въ минуту), біеніе пульса тоже удвоилось и достигло такой силы, что

вы чувствуете его и въ вискахъ, и чуть-ли ни во всѣхъ кровеносныхъ сосудахъ. Вы сдѣлались неспособны ни къ какимъ размышленіямъ и сознаете только одно, что нужно идти впередъ, впередъ...

Наконецъ, еще усиліе—и вершина достигнута.

Въ первый моментъ васъ охватываетъ нѣсколько сходное чувство восторженной радости, какое испытываетъ наѣздникъ, берущій призъ на скачкѣ. Правда, взошедшему на вершину горы никто не рукоплещетъ и награда не льститъ ему въ перспективѣ, но тѣмъ сильнѣе чувствуется радость, тѣмъ энергичнѣе выражается восторгъ, потому что они искренни и безкорыстны, не навѣяны никѣмъ и ничѣмъ извнѣ, а всецѣло принадлежатъ только ему одному и чувствуются всѣмъ его существомъ, всякой фиброй, принимавшей участіе въ трудной, но добровольной работѣ.

Мысль, что эта работа совершена вашимъ организмомъ, что вы ровно никому и ничему не обязаны въ ней—доставляетъ вамъ самое пріятное ощущеніе, несравнимое ни съ чѣмъ.

По мѣрѣ того, какъ физическая усталость проходитъ, вы успѣваете оріентироваться въ своемъ небываломъ положеніи. Прежде всего васъ поражаетъ та величественная картина, которая открывается съ большой высоты вашему взору. Если Эйфелева башня, поднятая всего на четверть версты надъ окружающей поверхностью земли, даетъ возможность обозрѣвать пространство на 70 и даже 90 вер., то что сказать о высотѣ полутора и двухъ верстъ надъ ближайшими вершинами горъ? На двѣсти и даже триста верстъ по лучу зрѣнія вы видите впереди себя невооруженнымъ глазомъ... Многія горы, которыя снизу поражали васъ своей грандіозностью и недоступностью, теперь, когда стоишь выше ихъ, кажутся незначительными. Долины и равнины, которыя растянулись на сотни верстъ и по которымъ вамъ пришлось слѣдовать въ теченіи нѣсколькихъ дней, теперь, сверху, кажутся небольшими, слились и сжались въ узкую полосу, чрезъ которую, кажется, можно перешагнуть. Эта гигантская рельефная карта, растянувшаяся у вашихъ ногъ на сотни верстъ, заставляетъ васъ невольно припомнить всѣ подробности, пережитыя вами при переѣздѣ чрезъ это пространство, а также подробности относительно всякой видимой вами точки со стороны физической, этнографической и др. Такъ, напр., смотря съ высоты 11 тыс. фут. близъ Эльборуса, на сѣверъ Кавказскихъ горъ по Кубанско Терскому водораздѣлу, можно обозрѣвать (какъ это и выпало на долю пишущаго эти строки въ 12 часовъ дня 24 іюля 1889 года) пространство въ тысячи

квадратныхъ верстъ. Ближе всего, въ разстояніи 20—25 верстъ красуются отвѣсныя скалы Кинжала и Бермамута въ 8—9 тысячъ футовъ высоты. Вправо отъ первой горы тянется на сотни верстъ долина Малки съ ея воинственными обитателями кабардинцами; прямо въ центрѣ виднѣется очень далеко красивая трехглавая Бештау и другія вершины окрестностей Кавказскихъ минеральныхъ водъ; далѣе за нимъ разстилается до горизонта Ставропольская губернія, съ ея обширными лугами и полями, покрытыми хлѣбными нивами; нѣсколько лѣвѣе—возвышенности Ставрополя, а еще лѣвѣе—долина Кубани, съ ея живописнѣйшими берегами и шумными притоками. Надъ этой мѣстностью въ наше время низко стояли свинцовыя тучи, вѣроятно, обильно проливавшія на землю влагу и доставлявшія давно ожидаемую прохладу дѣятельному населенію... „И въ каждомъ отдѣльномъ уголкѣ, думалось намъ, своя особая жизнь, свои обычаи, обряды, свои мелочныя заботы, ничтожныя страданія и радости!... Какъ все это низменно... и чуждо тому, что здѣсь!"...

Величіе видимой картины, особенность положенія, легкость дыханія въ чистѣйшемъ воздухѣ, животворное дѣйствіе лучей альпійскаго солнца—все это служитъ причиною возбужденія въ человѣкѣ до сильнѣйшей степени того жизнерадостнаго чувства общенія съ природой, которое должно быть извѣстно всякому, кто когда либо испыталъ и наслаждался этимъ душевнымъ состояніемъ при хорошей обстановкѣ среди лѣса—луга, степи и проч. Только здѣсь, на горахъ, это состояніе достигаетъ высокой степени напряженія, становясь по интенсивности въ полное соотвѣтствіе съ величіемъ картины природы и принимаетъ свой особый характеръ. Весь организмъ подъ вліяніемъ предшествовавшихъ и теперь сопровождающихъ обстоятельствъ подчиняется только благотворному дѣйствію красотъ природы и не только перестаетъ думать о томъ, что относится къ человѣчеству, живущему тамъ, гдѣ-то далеко и внизу, но чувствуетъ, что онъ сталъ свободенъ отъ всего человѣческаго, что онъ воленъ, какъ птица, унестись въ высь и можетъ наслаждаться спокойно и въ благоговѣніи чѣмъ-то болѣе величественнымъ и прекраснымъ, что обыкновенно недоступно людямъ... Это моменты истиннаго счастья, самыя дорогія минуты въ жизни!... Кто разъ испыталъ ихъ, тотъ никогда не откажется еще разъ перечувствовать такое состояніе, никогда не задумается вновь пойти на поклоненіе *горнымъ святынямъ*!....